

Долина Луговцова

Санаторий
"Седьмое Небо"

18+

Полина Луговцова

Санаторий «Седьмое небо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53643746

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-06692-2

Аннотация

Какие секреты скрывает заброшенный с советских времен санаторий, затерянный в горах Абхазии, словно специально выстроенный подальше от посторонних глаз? Оправдывает ли надежды пациентов его многообещающее название? От чего лечат в пустом полуразрушенном здании, издали похожем на замок Дракулы? В это далекое место Льва привело не стремление поправить здоровье, а поиски пропавшей дочери. Сможет ли он отыскать ее там, где коридоры, как в лабиринте, ведут куда угодно, но только не к выходу, и выбраться оттуда кажется невозможным? И какое отношение ко всему происходящему имеет семейная тайна?

Содержание

Хибла	5
Глаза альбатроса	41
Шкуродер	74
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Полина Луговцова

Санаторий "Седьмое небо"

...я почти достиг моего неба. Небо других я ни во что не ставлю и о нем не хлопочу.

Эмили Бронте «Грозовой перевал»

...я отметила про себя одну из возможностей, которое дает небо. У меня появилось право выбора, и я предпочла сохранить в сердце нашу семью целиком.

Элис Сиболд «Милые кости»

Кто видит в небе ангелов, не видит в небе птиц.
Ф.А. Искандер «Стоянка человека»

Хибла

Солнце, отражавшееся в больших и грустных глазах Чинчи, напоминало последний тлеющий уголек на груди золы в очаге – алая искорка на макушке горы Белалакаи, торчащей из пелены сиреневых облаков на горизонте. Хибла залюбовалась видом, забыв даже, что собиралась отругать упрямого ишака, вновь остановившегося посреди дороги. В глазах его, обычно темно-карих и непроницаемых, вдруг появилась глубина, и они стали в точности как две золотисто-рыжие горные долины внизу под обрывом. Когда-то давно у Хиблы тоже были такие глаза – в смысле, не как у осла, а изменчивые, преображающиеся при солнечном свете или в отблесках пламени, делаясь из темных янтарными. Тогда ее имя – Хибла – ей очень шло. На абхазском языке это значит «златоокая». Ее ныне покойный муж Мшвагу за глаза ее и полюбил и всегда говорил ей об этом, даже в последние годы, будто не замечая, что их цвет давно поблек, как у побитой морозом травы. Он всегда называл ее «хучы» – маленькая. Муж был старше почти на три десятка лет, и сегодня ему бы исполнилось семьдесят девять – для абхазцев не такой уж преклонный возраст. В поселке было много стариков, которым давно перевалило за сотню, и они перестали отсчитывать годы. Поэтому, по абхазским меркам, Мшвагу был бы еще не стар. Но, наверное, так было угодно Богу, чтобы он, выросший в

этих горах и способный пройти по краю пропасти с закрытыми глазами, однажды оступился и полетел вниз, нелепо болтая в воздухе руками и ногами и стремительно уменьшаясь прямо на глазах. Когда Хибла разглядела его распростертое на дне ущелья тело, оно показалось ей не больше швейной булавки. Она не спрыгнула тогда вслед за ним только из-за Энвера, их единственного сына, о котором оба мечтали долгие годы. Они не могли нарадоваться, когда он появился. Хибле тогда уже исполнилось тридцать, и она боялась, что Бог так и не пошлет им ребенка. Энвер родился слабым, и они с мужем по очереди носили его на руках, боясь оставить даже на секунду – им казалось, что родительские объятия помогают крохе бороться за жизнь, придают сил. Наверное, так оно и было, потому что Энвер креп день ото дня, и страх потерять его постепенно улетучился окончательно, уступив место безграничной радости, заполнившей их души. К десяти годам сын стал крепким и шустрым мальчуганом, не по годам сообразительным и очень храбрым – весь в отца. Голыми руками ловил ядовитых змей и умел скакать на лошади, стоя на ее спине и раскинув в стороны руки, совсем как настоящий джигит.

Счастье, длившееся десять лет, внезапно закончилось с исчезновением сына. Хибле показалось, что дневной свет померк перед глазами в тот момент, когда двое мальчишек вихрем ворвались в ее жилище с воплями: «Чудовище утащило Энвера в пещеру!» Смысл их сбивчивого рассказа с

трудом достиг ее сознания: оказалось, дети собирали дикий фундук в лесу, когда начался ливень, и в поисках укрытия наткнулись на пещеру, которую тут же решили исследовать. Энвер, как всегда самый первый в подобных делах, отправился вперед и вдруг закричал им, что кто-то схватил его. Мальчишки, конечно, убежали в страхе. Никто не осмелился броситься на помощь в глубь пещеры, затопленной непроглядным мраком, шепчущим, шуршащим и поскрипывающим голосами невидимых и наверняка недобрых существ.

Узнав о случившемся, Мшвагу вместе с другими мужчинами отправился на поиски сына и обследовал все пещеры и трещины в скалах в той местности, но тщетно. Энвер бесследно исчез.

Поиски продолжались несколько дней, и, в конце концов, люди потеряли надежду найти его живым. Но только не Мшвагу и Хибла. Вдвоем они продолжали бродить по горам, заглядывая под каждый валун, куст или дерево, спускаясь в ущелья, забираясь в темные расщелины, и, срывая голос до хрипоты, звали сына, но в ответ слышали только эхо. Они перестали есть и спать, проводя бессонные ночи в тягостном ожидании рассвета, чтобы вновь отправиться на поиски. Наверное, от усталости и горя Мшвагу утратил осторожность и сорвался с обрыва, нелепо оступившись и потеряв равновесие. Если бы не Энвер, Хибла тоже бы умерла. Но она верила: сын жив. Материнское сердце не могло обмануть. Она верила уже целых десять лет, продолжая поиски с каждым

новым рассветом. Люди, жалея ее, приносили в ее апацху еду – сыр, лепешки, фрукты и мед, и Хибла была им бесконечно благодарна за это, ведь иначе она давно уже умерла бы с голоду. Возвращаясь домой вместе с уходящим за море солнцем, Хибла всегда находила на столе свежую пищу, что-то съедала, не выбирая, и падала в изнеможении на сундук, прикрытый шерстяным покрывалом – она уже не в силах была забраться на нары, закрепленные в стене из плетеного орешника. Эту апацху Мшвагу выстроил сам – так, как строили его предки еще тысячу лет назад. Как и положено по древней традиции, заботливо выложил в центре каменный очаг, согревавший их в холодную погоду, расположил вокруг собственноручно сколоченные из тиса скамейки, на которых они вместе сидели вечерами, глядя на огонь и беседуя о жизни. Шли годы, времена менялись, и в поселке начали появляться более современные постройки. Хибла намекала мужу, что неплохо бы им тоже перебраться в добротное жилье, в каменный дом, с настоящей ванной комнатой и уютными спальнями. После войны все грузины уехали из поселка, оставив двух- и трехэтажные дворцы с колоннами, балконами и всей обстановкой, и можно было бы занять один из них, ведь старые хозяева вряд ли вернутся. В ответ на это Мшвагу впервые в жизни наругал ей, обозвав глупой женщиной. «Ты хочешь пойти жить в дом врага?!» – выкрикнул он, потемнев от гнева, после чего Хибла даже испугалась и больше о смене жилья не заговаривала. А теперь ей было все

равно. Теперь она жила лишь ради поисков пропавшего сына, зная, что пока жива, не прекратит их. От каждодневных горных походов она высохла, как старое дерево, да еще начала болеть нога. Наверное, соседи заметили ее хромоту и однажды привели к входу в ее апацху этого упрямого ишака Чинчу, который теперь стоял перед ней на узкой горной тропинке, сияя большими золотисто-коричневыми глазами, и не желал двигаться с места.

– Ленивый хитрец! – рассерженно крикнула Хибла. – Может быть, ты думаешь, что я понесу тебя на себе?!

Осел невозмутимо моргнул, вздернул верхнюю губу, обнажив крупные зубы, и выдал истошное: «И-и... – а-а-а!!!», пронесшееся над обрывом к соседним горам.

– И зачем я только таскаю тебя за собой? Одна уже добра-лась бы до места! – Хибла потрясла сухим кулачком перед ослиной мордой. – Шагай, тебе говорю, или вот сейчас возьму хворостину и пройдусь ей по твоим жирным бокам!

Чинча закивал, словно согласился выполнить требование хозяйки. Хибла взобралась на него верхом, и тот, вздохнув, побрел дальше, звонко стуча копытами по каменистой тропе.

– Хитрец и трусишка! – проворчала она, ритмично постукивая пятками по его округлым бокам. – Думаешь, мне нравится тебя ругать? А как быть, если ты по-другому не понимаешь?! И почему все ослы такие упрямые? – Последние слова прозвучали вполне миролюбиво, и она даже почесала Чинчу за ушами.

Солнце поднялось над пиком Белалакаи, озаряя его рассветным сиянием. Ветер разогнал облака в стороны, и гора показала свой полосатый бок – белая кварцевая лента многократно опоясывала его, искрясь в утренних лучах. Там, где высилась Белалакая, уже начиналась территория российской Кабардино-Балкарии. Хибла никогда не бывала на российской стороне, хотя по рассказам местных знала, что по этой тропе можно было пройти не только туда, но и в Азербайджан, и в Чечню, минуя пограничный контроль. Она слышала рассказы о том, что в тех краях жизнь была более сытая, но знала, что Мшвагу, коренной абхазец, никогда не покинет свою маленькую родину. Он считал, что на всей Земле нет места прекрасней Абхазии. Хибла была с ним, в общем-то, согласна, но про себя иногда думала, что в цивилизованном обществе жить было бы интереснее, хотя никогда не высказывала вслух таких мыслей.

Хибла часто вспоминала несколько месяцев за год до замужества, проведенные в советском санатории – огромном каменном дворце, окруженном роскошным парком с фонтанами и скульптурами. Там она была безмерно счастлива, не переставая восторгаться великолепием убранства, вежливыми улыбчивыми коллегами, и особенно одеждой, которую выдали ей совершенно бесплатно: белоснежным воздушным халатом длиной чуть ниже колен и бежевыми туфлями на квадратных каблуках. До этого ей всю жизнь приходилось наряжаться в черное, и единственным украшени-

ем ее невзрачного платья был переданный ей по наследству от матери широкий пояс с золотой вышивкой. Пояс считался семейной реликвией, и надевать его разрешалось лишь по праздникам, а в остальное время он просто лежал в сундуке.

После окончания сухумского медучилища в девятнадцать лет Хибла получила работу санитарки в санатории с красивым названием «Седьмое небо» и очутилась в совершенно другом мире, прекраснее которого не знала. Проследовав впервые сквозь вычурные металлические ворота и очутившись по ту сторону высокой бетонной стены перед великолепным дворцом, утопающим в пальмах и магнолиях, Хибла замерла с открытым ртом на ступенях широкой каменной лестницы, ведущей вверх, к парадному входу. Увиденное казалось ей невероятным, словно возникло из сказки о богатом падишахе. Из мраморных фонтанов били струи воды, сверкая на солнце ярче алмазов, извилистые бетонные дорожки, разбегающиеся по обеим сторонам парка, манили пройти под сенью раскидистых кедров и эвкалиптов, разнообразные скульптуры, белеющие в зелени повсюду, казалось, специально появились здесь, чтобы поприветствовать новую гостью: спортсмены и спортсменки, застывшие в стремительном порыве какого-нибудь движения, мальчишки и девчонки в пионерских пилотках с горнами, изогнувшиеся в прыжке дельфины, расправившие крылья альбатросы; фигуры на высоких постаментах придавали парку музейный шик. Хибла оробела от невиданной роскоши. Даже Сухум, потряс-

ший ее высокими зданиями и широкими улицами, померк по сравнению с увиденным здесь. Внезапно она остро почувствовала какой-то невероятный восторг, будто до этого она скиталась в поисках какого-нибудь приюта и теперь неожиданно обрела то, чего ей давно и мучительно не хватало. Атмосфера изысканности и спокойствия идеально совпала с ее внутренним душевным состоянием. Словно две отдельные мелодии, соединившись, гармонично дополнили друг друга.

Прогуливаясь по просторным, залитым солнцем холлам с колоннами, стуча каблуками по разноцветной блестящей плитке, выложенной причудливыми узорами и даже картинами, на которых были изображены счастливые улыбающиеся детские лица, Хибла представляла себя царицей. Правда, позже она заметила, что настоящие дети, находящиеся на лечении, выглядели не так жизнерадостно: бледные, болезненные, с потухшими глазами и почти все почему-то лысые. Это были больные дети, вызывающие острую жалость, и она старалась сделать для них все, что было в ее силах: дарила им тепло, ласку и улыбки, считая это своей основной задачей.

Их было очень много. Сотни ребятишек, отмеченных печатью смерти. Почти каждый день кто-нибудь из них умирал. Хибла услышала однажды разговор двух докторов, проходивших по коридору в тот момент, когда она мыла пол. «Они умирают, а мы абсолютно ничем не можем им помочь!» – сказал один из мужчин, пожилой и очень сутулый. «Да... все время спрашивают, когда их выпишут, просятся домой.

До чего тяжело им врать!» – ответил второй, с виду намного моложе, но с глазами старика. Сердце Хиблы сжалось в тот момент. «Что же за хворь такая на них свалилась?» – подумала она и как-то спросила об этом у одной из санитарок, ответственной за другой этаж. «Да они же из Чернобыля, из самого пекла! Конечно, не жильцы. Помирать их сюда привезли», – ответила та, махнув рукой, будто говорила о чем-то само собой разумеющемся, и, показывая, что разговор окончен, энергично задвигала шваброй из стороны в сторону. Хибла ничего не поняла, а узнать больше не получилось: на беседы времени не было, объем работы был большой. Но на всю жизнь запомнила, что Чернобыль – это какое-то «пекло», и представляла его себе примерно так же, как и ад: тьма, жар и демоны повсюду.

За каждой санитаркой был закреплен определенный участок здания, поэтому Хибла видела каждый день одних и тех же детей. Но в парке встречала и взрослых пациентов, бредущих по аллеям, как привидения. Все они выглядели одинаково плохо – бледно-желтые лица, огромные глаза с темными кругами на пол-лица, сверкающие лысые черепа. Они ходили так, будто прошагали долгий путь и очень устали. Смотрели почему-то себе под ноги, будто их не привлекала окружающая красота, и Хибла подумала, что они, наверное, просто не в силах поднять голову, иначе не стали бы разглядывать безликий тротуарный камень, а созерцали бы цветы, деревья, синее небо и бирюзовую полосу моря далеко

внизу. Хибле было стыдно перед ними за свою жизнерадостность, хотя они вряд ли вообще замечали ее присутствие. «Каково это – знать, что доживаешь последние дни?» – задавалась она вопросом, украдкой глядя в их пустые потухшие глаза. И, несмотря на большое количество обреченных больных, все равно любила этот санаторий – за ощущение умиротворения. Тишину здесь нарушали лишь звуки птиц и шелест листвы, потому что говорили все очень тихо, смеялись сдержанно, работники санатория были вежливы и обходительны, опрятно одеты, мужчины не носили бород и не издавали грубых криков. Никто не ругал ее и не требовал от нее невозможного, лишь бы сорвать гнев, не оскорблял, как привыкли обходиться с ней ее старшие родственницы из поселка. Никто не ссорился между собой, не затевал драк. Никто не предавался шумному веселью, не горланил песни, не хохотал во всю глотку до хрипоты. Хибла поняла, что тишина для нее, прежде всего, означает уют, и находила в ней упоение. Да и работа по уборке больничных палат, стирка, глажка – все это ей нравилось больше, чем стряпня и возня с козами. Хибле нравилось, как теперь от нее пахло: казалось, аромат садовых роз впитался в кожу и волосы. Руки ее стали белыми, а ногти светло-розовыми, из-под них исчезла черная, въевшаяся, казалось, намертво, грязная полоска. Ей хотелось, чтобы такая жизнь длилась вечно.

Но однажды случилось событие, положившее конец ее счастью и наполнившее душу тревогой, не забытой до сих

пор.

Ту часть здания, где находились процедурные кабинеты, убирала немая санитарка. . . ну, или она казалась такой, потому что, сколько Хибла ни пыталась с ней поздороваться или пригласить в комнату отдыха выпить чаю с коллективом, та ни разу не удостоила ее не то что ответом – даже взглядом. По мнению Хиблы, у этой санитарки было грубое, неприятно звучащее имя – Жанна. Будто что-то жалящее, как оса или крапива, и для ее внешности вполне подходящее. Вся фигура Жанны, казалось, выражала неприязнь к окружающему миру: низко опущенная голова зажата между угловатыми плечами, острые локти угрожающе торчат в стороны, будто предупреждая: «Не подходи!», выражение лица, как у озлобленной псины, готовой кинуться на всякого случайного прохожего, и взгляд такой же свирепый, исподлобья. Однажды Хибла поинтересовалась у других санитарок, общались ли они с Жанной, или та и впрямь немая. «Ты к ней не лезь лучше! – ответили ей. – Она, если не трогать, спокойная. Но если достанешь – держись тогда!» Поэтому Хибла оставила попытки сдружиться с нелюдистой сотрудницей. Она, в общем-то, и не искала дружбы – просто хотела быть вежливой. Эта Жанна выбивалась из основной массы интеллигентного и доброжелательного персонала санатория, но вскоре Хибла забыла о ней, тем более что на этаже, где располагались процедурные, ей доводилось бывать очень редко.

Перед тем, как это случилось, Хибла отработала в сана-

тории больше полугода и привыкла к размеренным будням, похожим один на другой, поэтому в тот день сразу заметила возникшую суету. Врачи и медсестры сновали по коридорам с какими-то бумагами. Вид у них был встревоженный и даже, как показалось Хибле, испуганный. Старшая медсестра собрала всех санитарок и распорядилась сделать генеральную уборку – вымыть окна и стены в палатах и коридорах, заменить постельное белье, полотенца, выдать детям чистые пижамы. Хибла всегда выполняла работу быстро и на совесть, но тут она дрогнула: когда же все это успеть?! Оказалось, выполнить уборку следовало до обеда! И это было еще не все. Последнее указание, озвученное старшей медсестрой, повергло Хиблу в шок: всех детей нужно было тщательно умыть, у кого волосы есть – причесать, а еще – просто невероятно! – подрумянить всем щеки и подкрасить губы вазелиновой помадой. «Все до единого должны быть красавчиками! – заявила она, раздавая им косметические наборы. – Ну, как обычно, вы же знаете». «Что значит – как обычно?» – недоумевая, спросила шепотом Хибла у стоящей рядом санитарки. «Птица важная прилетит, что тут непонятного?» – ответила та. «Птица?» – растерялась Хибла. «Ну, шишка!» – попыталась разъяснить ей она, но в голове Хиблы все еще больше запуталось. Решив, что скоро все и так узнает, она принялась за работу, тем более что времени на все отвели совсем мало.

Спустя несколько часов, пролетевших, как миг, полы бле-

стели, стекла сверкали, а все тело ныло от усталости. Хибла облокотилась на мраморный подоконник одного из огромных оконных проемов с арочным сводом, чтобы перевести дух. В распахнутые рамы лился чистейший горный воздух с едва уловимой примесью морского, доносимого ветром. Хибла в который раз подумала, что санаторий расположен слишком далеко от моря, и это несколько странно. Было бы понятно, если бы при строительстве территория у моря была уже занята другими зданиями, но нет – вниз уходил горный склон, покрытый лесом, за которым вздымалась еще одна гора, пониже, благодаря чему можно было видеть небольшую полосу водной глади. Никаких других строений в поле зрения не наблюдалось. Складывалось впечатление, что при выборе места для санатория его будто хотели спрятать от посторонних глаз. А для вывоза больных на пляж проложили рельсовый путь, опоясывающий гору, на которой стоял санаторий. Рельсовый путь шел по специально выстроенному для него мосту над пропастью и затем нырял в горный тоннель, ведущий к морю. По рельсам двигался вагончик, поразивший Хиблу, когда она впервые увидела это желто-зеленое чудо, бегущее сверху вниз подобно гигантскому диковинному насекомому. Позже она узнала, что рельсы и колеса примагничиваются друг к другу с помощью электричества, поэтому он не падает. Возле платформы, от которой отправлялся «морской» вагончик, располагалась стеклянная будка, в которой дежурил машинист, приводящий подъемно-спуск-

ной механизм в действие с помощью ключа и рычагов.

Вот и теперь он стоял в своей будке, склонившись над приборной панелью и перемещая рукояти рубильников. Издали донеслось металлическое гроыхание – вагончик, еще не видимый глазу, стучал колесами по рельсам где-то в недрах горы. Дети возвращались с моря. Их было совсем мало – тех, кому можно было загорать и плавать. Остальные – большинство – сидели в парке на скамейках и в беседках в ожидании окончания генеральной уборки.

Ритмичный стук слышался ближе. Вскоре яркая кабинка выскочила из отверстия в горном склоне и, словно букашка, побежала по мосту над пропастью между двумя горами. Массивные бетонные опоры, казавшиеся отсюда спинами гигантов, уходили в бездну, заполненную белыми облаками. Дальше вагончику предстояло проделать семь витков вокруг горы, двигаясь все выше над пропастью – склоны ее были почти отвесными, неприступными. Наверное, поэтому санаторию дали такое название – «Седьмое небо». Рельсовый путь часто укрывали облака, и тогда казалось, что дорога проходит прямо по небесам.

Время близилось к полудню, и яркое солнце, висевшее в центре неба, золотило горные склоны, поросшие лесом, который уже слегка тронуло осеннее увядание. Оранжевые пятна буковых рощ пестрели на темно-зеленом хвойном бархате тисовых и сосновых массивов, а ближе к вершинам желтело березовое криволестье. В парке перед входом всюду тру-

дились дворники, сметая с дорожек кленовые листья, похожие на упавшие потухшие звезды. Хибле было жаль, что листья уберут: ей нравилось, как они хрустят под ногами во время прогулки. От этого звука душа ее наполнялась приятной грустью, а в воображении возникала мелодия, то ли выдуманная ею, то ли где-то когда-то услышанная. Мелодия эта была не просто красива, она была упоительна. Вот и сейчас она зазвучала в голове Хиблы, но удовольствие продлилось недолго: детские голоса отвлекли ее. Дети выходили из вагончика и становились возле воспитательницы в ожидании, когда соберутся все остальные. Они были похожи на нахохлившихся обиженных пташек и жались друг к дружке, будто ища поддержки. Даже южное солнце и горный воздух не добавили красок жизни их измученным серым личикам. Сердце Хиблы вновь защемило от жалости. И вновь возник тревожащий давно вопрос: из какого же «пекла» вызволили этих бедолаг? Что там с ними стряслось такое ужасное?

Внезапно чье-то легкое прикосновение к руке заставило Хиблу вздрогнуть. Она повернулась и увидела стоящую рядом девочку. Ее звали Лилей. Хибла хорошо помнила имена всех детей на своем этаже. Эта была из седьмой палаты. Она выглядела, как кукла: синеглазая, с румянцем во всю щеку и блестящими губками «бантиком». Лиля показалась ей неожиданно похоронившей.

– Лиля? – удивленно обратилась к ней Хибла. – Почему ты одна? Где остальные?

– Скоро придут, – ответила та и поджала губы, словно обдумывала дальнейшую речь.

– Ты тоже ездила сегодня к морю? – Хибла заметила, что девочка встревожена. – Хорошо выглядишь!

– Меня накрасили, – пояснила она и сморщила нос, вероятно, показывая свое презрение к искусственному улучшению внешности.

– Теперь ты красавица! – Хибла улыбнулась и погладила ее по светлым волосам, похожим на пух.

– Не хочу! – Лиля вдруг громко крикнула и, вцепившись в ее руку, затараторила:

– Увези меня отсюда! Забери! Не хочу, не хочу, не хочу!

– Да ты что?! – Хибла присела перед ней на корточки и внимательно посмотрела в испуганные детские глаза. – Говори, в чем дело.

– Там страшно! Я не хочу опять в карусель! Я не хочу кружиться, мне опять будет плохо. Чудовища будут снова мучить меня!

– Господи, Лиля, какие чудовища?!

– Они вылезают из злого человека, который крутится со мной в карусели, и мучают меня! – Лиля иступленно трясла ее руку, сжимая в своих ручках, а в глазах ее была мольба. – Увези меня, спрячь, давай убежим! Я знаю, что умру сегодня!

– Ну ладно тебе, успокойся. – Хибла прижала к себе дрожащую девочку. В окно было видно, как дети поднимают-

ся на крыльцо и заходят в здание. – Тебе, наверное, часто снятся страшные сны, а ты думаешь, что все это по-настоящему, – попыталась она успокоить впавшего в истерику ребенка. Лиля вдруг вырвалась из ее рук, отступила на шаг и прошипела:

– Ты с ними заодно! Вы все тут заодно! Я думала, ты не такая, а ты... Тоже говоришь про сны! Они все говорят, что это сны, но я-то знаю, что они врут! И ты врешь!

Лиля повернулась и побежала по коридору, громко топая. Хибла окликнула ее, но та скрылась за дверями своей палаты. Она хотела последовать за ней, но в этот момент из правого крыла, с лестницы донесся звериный рев:

– Прие-е-ехали! Они прие-е-ехали-и!! Всем по места-ам! – пожарной сиреной ревел незнакомый голос – низкий, но явно женский. Хибла была уверена, что этот голос ей ни разу не довелось слышать в этих стенах. Она промчалась к лестничной площадке и глянула вниз. Этажом ниже стояла, уперев руки в бока, «немая» Жанна и продолжала орать. «Ну и голосище! – удивилась Хибла. – Вот тебе и немая!» Та вдруг, словно почувствовав взгляд, обернулась и посмотрела вверх.

– Ты! Новенькая! – рявкнула она, буравя ее свирепым взглядом. – А ну, пошли за мной! Помощь нужна!

Хибла безропотно повиновалась. Проходя мимо окна между лестничными пролетами, она заметила, как по центральной аллее идет какой-то человек. Медперсонал санато-

рия выстроился перед крыльцом. Главный врач стоял немного впереди. Хибла замерла у подоконника. Ей не терпелось увидеть «важную птицу», из-за которой поднялся такой переполох.

Человек, одетый в угольно-черный костюм и круглую шляпу, остановился перед встречающими и сказал что-то. Он походил на хищного ворона, собирающегося напасть на стаю белых чаек. Врачи и медсестры вытянулись «по струнке», все взоры были направлены на его непроницаемое бесстрастное лицо.

– Эй! Чего застыла?! – Грубый окрик заставил Хиблу отойти от окна и поспешить за удаляющейся неуклюжей тусшей, передвигающейся на удивление проворно.

– Быстро моешь коридор и уматываешь так, чтобы не попасться никому на глаза! – пролаяла Жанна, ткнув в нее ведром и шваброй. – Быстро моешь, очень быстро! И насухо пол вытри! У тебя полчаса, пока гость палаты обходить будет. Потом все пойдут сюда, и тебя тут быть не должно. Смотри, никаких луж и сырости! И чтоб тебя тут никто не видел. Увидят – уволят. Давай, шевелись, мне некогда! Еще оборудование подготовить надо.

И Жанна скрылась за толстой дверью с табличкой: «Процедурная № 1». Хибла вначале растерялась, не зная, где набрать воды. Потом поняла, что туалеты должны располагаться один под другим – по крайней мере, на остальных этажах было именно так. В самом деле, санузел обнаружился

за следующей дверью после той, в которую вошла Жанна. С грохотом опустив ведро в железную «ногемойку», Хибла открутила кран. Вода звонко ударила в цинковое дно, обдав ее брызгами. Пока ведро наполнялось, она все думала о Лиле, ломая голову, что стряслось с ребенком. Страх в глазах девочки показался ей неподдельным. Решила, что, как только закончит с коридором, сразу же пойдет к ней и выпытает все подробности.

Когда Хибла закончила мыть пол и направилась в другой конец коридора к выходу на лестницу, оттуда донеслись многочисленные голоса, среди которых она узнала и голос главного врача Лобачева. Процессия двигалась наверх, прямо навстречу ей. Сообразив, что уйти незамеченной не получится, Хибла на цыпочках отбежала назад и скрылась в туалете, помня о наказе Жанны: «Чтоб тебя тут никто не видел!» Едва дверь за ней закрылась, как по бетонному полу застучали каблуки ботинок и туфель. Шаги приближались, и Хибла вдруг испугалась: что, если кому-то приспичит заглянуть сюда «по нужде»? Но, к счастью, вскоре рядом послышался скрежет дверного замка – отпирали дверь «Процедурной № 1», а затем голоса и шаги стихли. Наверное, дверь была очень толстая и не пропускала звуков. Хибла подошла к закрашенному белой краской окну и грустно вздохнула: даже на парк не помотришь, а сидеть ей теперь здесь, наверное, долго. Выходить-то как страшно! Коридор длинный. Вдруг кто-то выглянет и заметит, как она идет? Жанна сказала: уво-

лят, если увидят ее здесь. Лучше уж переждать, пока закончатся их процедуры. И что за секретность такая?

Вдруг Хибла услышала пронзительный детский визг, а затем голос Лили прокричал: «Нет, не трогайте меня! Не подходите! Я боюсь! Боюсь!» От неожиданности Хибла начала озираться. Голос звучал близко, совсем рядом. Но в санатории очень толстые стены, а Лиля вообще на другом этаже. Или нет? Взгляд Хиблы непроизвольно метнулся вверх, в направлении звука. Под потолком оказалась вентиляционная решетка. «Вот оно что! Звук проходит через вентиляцию», – догадалась она, приподнялась на цыпочки и прислушалась. Приглушенные мужские голоса донеслись до нее единым неразборчивым гулом. Но вот кто-то отчетливо произнес: «Я же распорядился дать ей снотворное!» В ответ голос медсестры пролепетал визгливо и испуганно: «Я лично проследила, чтобы она приняла таблетку». «Может быть, дозу неверно рассчитали? – осуждающе проворчал тот же голос – похоже, главного врача. – Вы слишком часто стали ошибаться, хочу заметить. Что же стоите, делайте скорее укол!»

Через мгновение голос Лили ослаб, а потом совсем затих. Но остальные голоса продолжали говорить что-то, уже тише, и Хибла больше не могла разобрать слов. Послышался какой-то непонятный металлический скрип, будто вращали старую карусель. Затем раздался звук волочения по полу чего-то громоздкого – там, за стеной, что-то передвигали. Некоторое время слышались звуки непонятной возни, а

потом незнакомый строгий голос довольно громко произнес странную фразу: «Вы головой отвечаете за это, доктор Лобачев». Похоже, это сказал человек в черном, «важная птица». Никто в санатории не осмелился бы говорить с главным врачом в подобном тоне. Дальше – бормотание, снова шорохи, и вдруг голос главного врача скомандовал: «Готово! А теперь – все выходим. Во время процедуры ни одной живой души рядом быть не должно!»

Услышав это, Хибла почувствовала, как ее бросило в жар. О чем он говорит? Что еще за секретная процедура? Что они задумали сделать с Лилей?! Вдруг там происходит нечто ужасное? Почему девочка так кричала? Хибла решила, что должна немедленно все выяснить, пусть даже рискуя быть уволенной, и вылетела в коридор как раз в тот момент, когда главный врач выходил из «Процедурной № 1». Она налетела на него с разбегу. Лобачев отпрянул от неожиданности, но в следующий миг его глаза потемнели от возмущения. Он смотрел на Хиблу так, будто та пыталась украсть бумажник из его кармана:

– Что вы тут делаете?! Кто вам разрешил?!

– Отпустите Лилю! Немедленно отпустите! Я слышала, как она кричала и звала на помощь! Вы мучаете детей! Я буду звонить в милицию!

Боковым зрением Хибла видела, как люди в белых халатах окружают их. Ее схватили за руки, оттащили в сторону, и перед ней возникла свирепая физиономия Жанны.

– Ты чего, белены объелась?! – жарко выдохнула она ей в лицо, но ответить Хибла не успела: ей в плечо воткнулось что-то острое, и когда все поплыло перед глазами, она поняла, что ее «выключили» специальным уколом.

Когда Хибла вновь открыла глаза, первым, кого она увидела, был главный врач Лобачев. Он сидел на стуле у ее кровати и пристально вглядывался в её лицо.

– Ну что, как самочувствие? – поинтересовался он с вялой полуулыбкой, больше напоминающей судорожную гримасу. Его руки, сцепленные в замок, лежали на колене левой ноги, перекинутой через правую. Стиснутые пальцы побелели от напряжения, а колено под ними мелко подрагивало. Хибла догадалась, что врач сильно нервничает и как будто даже чем-то напуган, хотя тот и пытался держаться невозмутимо.

Хибла хотела в него плюнуть, но язык почему-то присох к небу, а слюны не было.

– Не хотите отвечать? – Он пожал плечом, и вышло это у него нервно, а взгляд заметался по полу, как у стеснительной девушки. «Может, ему стыдно за произошедшее?» – подумала она, но следующая фраза врача опровергла ее предположение:

– Тогда не могли бы вы оказать мне любезность и объяснить, что заставило вас сорвать научный эксперимент государственной важности?

«Вранье! – Хибла пристально разглядывала его интеллигентное лицо и умные, но какие-то отрешенные глаза. – На-

до же, и не подумаешь, что такой с виду приличный человек способен мучить детей!»

– Что ж, – произнес он после долгой выжидающей паузы, – вижу, что диалога у нас не выйдет. Тогда слушайте. После такого отвратительного поступка продолжать работу в санатории вы не сможете. Возможно, ваше поведение связано с каким-нибудь нервным заболеванием. Вас отправят домой. Если хотите – прямо сегодня. Если же вы намерены обращаться в милицию, знайте, что там уже известно о вашем душевном расстройстве, и если вы явитесь к ним писать какие-то заявления, вас тут же отправят в психиатрическую лечебницу. Поэтому не советую вам так поступать. Сочувствую, что с вами случилось такое, и ни в чем, поверьте, не виню. Возможно, вы не знали о вашей болезни. Я уже распорядился, чтобы для вас подготовили все документы, и вам даже выплатят все, что вы заработали за семь месяцев, хотя правильнее было бы высчитать с вас за нанесенный науке ущерб.

Доктор Лобачев еще что-то бубнил, но Хибла уже не слушала его. Все и так было ясно. К тому же у нее страшно раскалывалась голова, и хотелось пить. Она закрыла глаза. Когда открыла их снова, к ее облегчению, врача рядом не оказалось.

Вошла Жанна, при этом неуклюже толкнула массивным бедром дверь, и та, резко распахнувшись, ударилась в выкрашенную светло-голубой краской стену. Матовое пупырчатое

стекло в двери мелко задребезжало. Жанна волокла перед собой внушительный узел, который бросила рядом с кроватью Хиблы со словами:

– Пожитки твои собрали. Через час машина в город пойдёт за продуктами, с ней и уедешь, поняла? Чтоб духу твоего здесь больше не было!

Хибла не стала спорить, лишь устало прикрыла глаза и ждала, когда Жанна уйдет. Спрашивать что-либо не было смысла: все равно не ответит. Но можно было попытаться кое-что разузнать самой.

Как только тяжелые шаги стихли, она попыталась подняться. Голова кружилась, тело слушалось плохо, но Хибле не терпелось дойти до седьмой палаты, найти Лилю и спросить у нее, что произошло. Она побрела по коридору, держась за стены и на ходу соображая, на каком этаже и в каком крыле здания сейчас находится. Выяснилось, что этаж тот самый, где ее схватили. Наверное, занесли в ближайшую свободную палату. Значит, нужно спуститься на два этажа ниже. И желательно не попасться на глаза Жанне или Лобачеву, которым, скорее всего, не понравится, что Хибла рыщет по зданию санатория.

Из дальнего конца коридора за спиной послышался тяжелый топот нескольких пар ног, и Хибла в ужасе сползла по стене, присев на корточки, – решила, что врачи или санитары заметили ее и погнались следом. Но в следующий миг она поняла, что это не так. Два санитары действительно прибли-

жались к ней быстрым шагом, но совсем на нее не смотрели. Каждый толкал перед собой металлическую каталку, на каких по санаторию перевозили все подряд: еду для лежащих больных, постельное белье, средства для уборки. На этот раз на каталках лежало что-то непонятное, и когда санитары промчались мимо, Хибла вздрогнула от ужаса: на первой каталке она заметила голые мужские ступни, выглядывающие из-под белой простыни, а на второй – детскую ручку, свесившуюся вниз. «Лиля! – вспыхнула в голове страшная догадка. – Так вот почему нервничал Лобачев!» – поняла Хибла. Она хотела было броситься вдогонку, но вдруг чья-то грубая, сильная рука схватила ее за воротник халата, рывком приподняла и потянула куда-то. Хибле только и оставалось, что торопливо перебирать ногами по скользкому полу. Обернувшись, насколько это было возможно (мешала чужая рука, вцепившаяся в шею), Хибла увидела массивную спину и рыжие кудри Жанны. Санитарка втокнула ее в те же двери, откуда Хибла только что вышла, и выдала тираду:

– Запру тебя, чтоб не шлялась! Через час выведу и сама в машину посажу. И чтоб больше... И так натворила делов, а нам теперь расхлебывать! И мне из-за тебя влетит еще! Связалась с дурой!

– Почему Лиля умерла? – в отчаянии воскликнула Хибла, не надеясь услышать ответ, но Жанна ответила:

– Из-за тебя! Нечего было лезть, куда не следовало! Еще и приезжий этот концы отдал! Жди теперь проверку из Моск-

вы! Это ты все испортила! Зачем свой нос сунула?!

– Да что ты врешь?! Я ведь ничего не сделала! – выкрикнула Хибла, дрожа от негодования. Да как эта Жанна смеет обвинять ее?! Ведь это Лобачев!

– Ты помешала, и все не успели вовремя уйти из лаборатории, – прошипела Жанна, понизив голос, и опасливо оглянулась, словно боясь, что услышит кто-то еще. – Лобачев сказал, какое-то поле было нарушено... Из-за тебя, в общем! – И яростно захлопнула дверь. Стекла не вылетели лишь чудом. В замочной скважине заскрежетало, и Хибла поняла, что ее заперли. А еще она поняла, что на нее решили свалить какой-то неудачный эксперимент, закончившийся двумя трагическими смертями. Именно поэтому ее хотят срочно вывезти из санатория, чтоб не наболтала лишнего, когда прилетит проверка из Москвы.

Всю дорогу до родного села Хибла тряслась в грузовом отсеке автомобиля, захлебываясь рыданиями, душившими её из-за жалости к Лиле и чувства вины в ее трагической гибели. Хорошо, что грузовик дребезжал всеми своими составными частями, подпрыгивая на каменистой неровной дороге, и водитель не мог слышать горестные завывания своей пассажирки.

Родители были удивлены ее неожиданным приездом и встревожены расстроенным видом, засыпали вопросами. Пришлось соврать что-то. Судя по их лицам, они ей вряд ли поверили, но отстали. Жизнь потекла, как и раньше, домаш-

ние хлопоты навалились на нее, и времени на горестные думы не осталось. Хибла вспоминала о происшествии в санатории лишь поздно вечером, уже засыпая, и с каждым разом ей все больше казалось, что ее обманули и в случившейся трагедии нет ее вины. Подозрение, что доктор Лобачев скрыл от нее что-то нехорошее, незаконное, усиливалось день ото дня. Однажды Хибла все же решила пойти в милицию. «Меня могут упечь в психушку, – вспомнила она угрозу главного врача. – Но в санатории ведь остались еще дети! Что он там делает с ними? Может быть, тоже отводит в процедурную номер один и оставляет наедине с очередным важным гостем? Там творится что-то противозаконное и очень плохое. Дети страдают, и я должна сообщить!» – решила она.

В милиции ее внимательно выслушали и ответили, что не могут устроить проверку, так как санаторий «Седьмое небо» давно закрыли, и там никого нет, даже сторожа. «Как давно?» – спросила потрясенная Хибла, хотя в тот же миг поняла, что этого следовало ожидать, ведь не зря и Жанна говорила о проверке из Москвы. Ответ поверг Хиблу в шок: ей сказали, что санаторий не работает уже больше года! Она попыталась доказать, что всего пару месяцев назад оттуда вернулась и что там было полно больных детей. Хибла тараторила без умолку, красноречиво размахивая руками, и вдруг заметила, что на нее косо смотрят и перешептываются. «Того и гляди, вызовут «скорую» из психушки!» – решила она и ушла ни с чем.

Но мысли о бедных детях из «Седьмого неба» не давали покоя, и Хибла собиралась сходить как-нибудь пешком к санаторию – пусть даже на это уйдет целый день! – и проверить, действительно ли он пустует или это очередной обман, и тогда... Тогда она поедет в город, найдет там отделение милиции и потребует, чтобы ее отвели к самому главному начальнику.

Однако смелым намерениям Хиблы не суждено было воплотиться в жизнь: однажды маленькое абхазское село встряхнуло от мощного грохота, прогремевшего где-то в горах. Раскатистое эхо еще металось в воздухе, когда все жители высыпали из хижин, потирая ладонями испуганные сонные лица, а потом, после того как стих последний отголосок, еще с час стояли и встревоженно переговаривались, выдвигая предположения, откуда взялся гром, – одно невероятнее другого. И так как ни одно из них не выглядело убедительным, несколько мужчин, оседлав осликов, отправились на разведку.

Оказалось, что это обрушился горный склон вдоль единственной дороги, ведущей к санаторию. Дорогу завалило так, будто на ее месте выросла еще одна гора. «Такой завал вряд ли скоро разберут», – говорили вернувшиеся назад мужчины. Они были правы: дорогу не спешили расчищать. Теперь Хибла не могла попасть в санаторий, но это было уже и не нужно. Ведь если не разбирают завал на дороге, значит, в «Седьмом небе», и правда, никого нет.

Лишь спустя много лет Хибла смогла убедиться в этом воочию – уже после исчезновения Энвера. Она и Мшвагу жили поисками сына и каждый день исследовали все новые и новые места в горах, забираясь все дальше, к самой границе, где сверкала на солнце полосатым боком знаменитая Белалакая. И вот однажды во время очередных скитаний по горной местности перед ними неожиданно открылась чудная картина: вдали, на склоне одной из гор, показалось белокаменное здание, окруженное парком, в котором Хибла узнала знакомые достопримечательности санатория «Седьмое небо». Присмотревшись, она разглядела бетонные дорожки, заметенные пожелтевшей листвой, и потемневшие от сырости статуи – за порядком там явно давно не следили. Огромные темные окна с арочными сводами выглядели мутными и безжизненными, на стенах темнели пятна плесени, штукатурка местами отслоилась и висела, как лоскуты содранной кожи. И хотя в душе Хиблы саднила огромная незаживающая рана, появившаяся в день пропажи сына, ей вдруг в этот момент стало чуточку легче от того, что санаторий опустел и давно заброшен: значит, страшные дела, творившиеся в нем, больше не повторяются. «Может быть, этого злодея Лобачева вообще посадили в тюрьму вместе с Жанной, – подумала Хибла. – Хорошо, если б так».

Чинча нетерпеливо перебирал ногами, цокая копытами по камням, – наверное, заскучал, пока хозяйка путешествовала в прошлое, погрузившись в раздумья. Вернувшись в реаль-

ность, Хибла потрепала его щетинистый загривок, ласково приговаривая:

– Давай, хохолок, еще несколько шагов, и мы будем на месте.

Местом был край обрыва с видом на санаторий «Седьмое небо». Они с Мшвагу, после того как обнаружили его, часто любили сидеть там, свесив ноги над пропастью и любуясь видом заброшенного парка и величественного мертвого здания. Потом, после гибели мужа, Хибла по привычке приходила туда одна, будто ноги сами несли ее тело, вконец измотанное походами по горным тропам. Это стало своеобразным ритуалом, который завершал очередной день бесплодных поисков. Она сидела, смотрела на окружающие ее горы, думая, какая же из них забрала себе ее сына, и молила горных духов, чтобы те подсказали ей, где искать. Пусть даже ей придется увидеть его скелет, это все же лучше неведения. Сердцем Хибла чувствовала, что сын где-то близко. Может быть, его душа витала вокруг нее именно здесь?

Сегодня санаторий выглядел таким же безжизненным, как и всегда – ничего не изменилось. Похоже, о нем совсем забыли после того, как гора обрушилась на дорогу, соединяющую его с внешним миром. Сразу после этого началась война, и все санатории опустели в одночасье, как и вся Абхазия. Люди уезжали кто куда: грузины бежали на свою родину, русские – на свою, а абхазцы переселялись из прибрежных городов в горные поселки, скрытые от посторонних глаз

густыми лесами и каменными склонами, подальше от свиста пуль, взрывов и пожаров.

Но страшное время прошло, и туристы вновь потянулись в маленькую южную страну. Санатории стали открываться один за другим – обветшалые, неуютные и запущенные. Отсутствие комфорта не останавливало желающих понежиться в лучах субтропического солнца и подышать ароматом вековых эвкалиптов – люди ехали и наполняли жизнью парализованную израненную Абхазию, везли деньги, которые щедро тратили на местные «деликатесы» – вина, сыры, фрукты, мед, не скупилась на экскурсии, а ведь посмотреть в Абхазии было на что.

В санаториях и домах отдыха в сезон не хватало мест, и Хибле казалось странным, что «Седьмое небо» по-прежнему оставался забытым. Наверное, главной причиной была удаленность от моря. Никто не хотел вкладывать средства и силы в место, спрятанное глубоко в горах, окруженное со всех сторон пропастью, и потому неприступное, как крепость. Подойти к санаторию было невозможно – Хибла знала это на собственном опыте. Однажды она наведлась к месту обвала, под которым был погребен большой участок дороги – там уже все поросло лесом, и определить, где именно пролегало асфальтовое полотно, стало невозможно. Чтобы «оживить» санаторий, нужно было бы прокладывать тоннель, а это, полагала Хибла, было очень дорого.

Однажды несколько любопытных туристов-скалолазов,

желающих забраться в санаторий, насмерть разбились о камни, сорвавшись с горного склона. Спасатели поднимали тела с помощью вертолетов. «Санаторий не желает принимать гостей», – подумала тогда Хибла, издали наблюдая за безвольно болтающимися в воздухе человеческими фигурками, поднимающимися на специальном тросе.

Начинало смеркаться и холодать. Хибла смотрела на железнодорожный мост: он, казалось, висел в воздухе из-за белых клубов тумана, окутавших бетонные опоры, уходящие в пропасть на многие метры. Облака к вечеру всегда спускались в долину, словно в уютное ложе для ночного сна. Пора было возвращаться домой, ведь еще немного, и совсем стемнеет. Ночь стремительно накрывала горы, стоило солнцу спрятаться за одну из касающихся неба вершин, а в темноте даже знакомая и многократно истоптанная тропинка мгновенно превратится в смертельно опасный путь. Хибла пошевелила гудящими от усталости ногами, покачала ими в воздухе, словно дразня поджидающую новые жертвы бездну, и собиралась подтянуть их и отползти от края, чтобы встать и отправиться в обратный путь. Но вдруг какое-то мимолетное движение на мосту привлекло ее внимание. Она машинально вернула взгляд к тому месту, не ожидая увидеть ничего интересного, разве что парящего в небе орла или более темный сгусток облака, подброшенный ветром. Но увиденное повергло ее в шок: по мосту двигалась человеческая фигура! Хибла прищурилась, всматриваясь, и подалась впе-

ред, совершенно забыв, что сидит на краю обрыва. Ей вдруг почудилось, что она видит Энвера – все в этой крошечной далекой фигурке было родным и знакомым: и порывистые движения, и острые локотки и коленки, и темноволосая курчавая голова. Показалось, что она узнает даже едва различимый на таком расстоянии профиль – орлиный нос и выступающий вперед подбородок. То был ее Энвер, ее мальчик, такой же шустрый и быстроногий, каким она запомнила его в тот день, когда видела в последний раз! Парнишка бежал по мосту, направляясь от санатория к тоннелю в горе. Он то и дело исчезал в тумане и снова выныривал, стремительно удаляясь. Хибла испугалась, что мальчик вот-вот скроется там, где исчезают рельсы, и она его больше никогда не увидит. Душа ее рванулась вперед, как птица со сломанными крыльями в отчаянной попытке взлететь, и в следующую секунду женщина поняла, что падает. От страха вся она будто замерзла, начиная от кончиков пальцев и заканчивая мозгом – мечущиеся в беспорядке мысли застыли, точно парализованные, в ожидании страшного удара о камни. Но удара все не было. Тело пронеслось сквозь крону какого-то дерева – вокруг зашуршала листва и захрустели ветки, а потом ноги упёрлись во что-то твердое, и Хибла изменила траекторию падения, полетев головой вперед с расставленными в стороны руками – совсем как птица. Но полет продлился всего мгновение, и ладони обожгло острыми гранями камней – похоже, с них срезало всю кожу. Зато тело ее прекратило пе-

ремещаться и, наконец, остановилось. Хибла подняла голову вверх. Единственное, что в этот момент ее волновало – не ее сломанные кости, а мальчик: был ли он все еще на мосту?

К своему огромному облегчению, она заметила знакомую фигуру и, с удивлением, еще одну, принадлежащую взрослому человеку. Неизвестный мужчина и мальчик (Энвер?!) не бежали, а неторопливо шли в обратном направлении, держась за руки, и Хибла расслышала их далекие, разносимые эхом голоса – те о чем-то переговаривались, но разобрать слова было невозможно. Зато она заметила на мужчине длинный белый халат, а на мальчике – короткие черные шорты и полосатую рубашку, полы которой выбились и трепетали на ветру. Они удалялись от нее в сторону санатория, шагая по железнодорожному пути, по которому когда-то к морю и обратно курсировал яркий желтый вагончик. Хибла смотрела на них снизу, лихорадочно соображая: окликнуть или нет? Мост находился слишком высоко, фигурки казались крошечными – могут и не услышать. Она машинально огляделась и бросила взгляд назад, к краю обрыва, внезапно вспомнив о Чинче – не упал ли и он вместе с ней? Ее словно иглой пронзило от пяток до макушки – осел по-прежнему топтался на своем месте, и по-прежнему на краю обрыва, свесив ноги, сидела... она сама.

Хибла моргнула, отказываясь верить своим глазам, и повернулась к мосту. На нем никого не было. Неожиданно закружилась голова. Хибла испуганно обхватила ее руками и

зажмурилась. А когда открыла глаза, увидела под собой пропасть и обнаружила, что по-прежнему сидит на краю обрыва, а не лежит на дне ущелья, как несколько мгновений назад. «Наваждение какое-то», – подумала Хибла, поспешно поднимая ноги и отползая от края: если она свалится вниз снова, вряд ли ей во второй раз повезет уцелеть. Но... А было ли падение? Женщина поднесла ладони к лицу, разглядывая кожу. Ни царапины, только старые мозоли! Похоже, у нее помутился рассудок. Может быть, это от голода? Она попыталась вспомнить, когда и что ела в последний раз. Выходило, что за весь день она проглотила только переспелую клейкую хурму и кусочек подсохшего сыра, и было это еще ранним утром, до восхода солнца. Бывают ли подобные виденья от хронического недоедания? Хибла не знала, но была уверена, что неоткуда на мосту было взяться людям, и уж тем более Энверу, ведь последний раз она видела сына десять лет назад. И уж если бы каким-нибудь чудом оказалось, что это, в самом деле, был Энвер, то выглядеть десятилетним мальчиком он никак не мог, ведь ему должно быть уже двадцать! Это обстоятельство Хибла осознала только сейчас. Энверу двадцать лет! Гораздо больше, чем бегущему по мосту мальчугану! Наверное, горные духи решили над ней подшутить за то, что она ежедневно тревожит их своим присутствием.

На здание санатория опустилась фиолетовая тень – солнце скрылось за горой, и уходить нужно было немедленно, иначе придется ночевать в горах, греясь у бока Чинчи – ночи

в октябре были довольно холодные. Большие мутные окна белого дворца выглядели все такими же непроницаемыми, как глаза слепого. Что скрывалось там, за ними, ведомо было лишь горным духам. Вдруг Хибла поняла, что не успокоится до тех пор, пока не побывает в санатории и не выяснит, есть ли там все-таки кто-то живой или нет. Может быть, горные духи сжалятся над ней и пропустят ее в запретное место? Пусть даже ей никогда не удастся выбраться, главное – попасть в санаторий, не сорваться со скалы в пропасть по дороге. Неожиданно Хибла подумала, что должна отправиться в рискованный поход еще и потому, что санаторий «Седьмое небо» – единственное место в округе, где она до сих пор не искала.

Глаза альбатроса

Издали шум моря походил на грохот мчащегося по рельсам грузового поезда – тяжеловесного «товарняка» нескончаемой длины. И, лишь приблизившись к полосе прибоя, можно было различить в едином монотонном шуме множество звуков, издаваемых разбушевавшейся стихией: угрожающее завывание ветра, яростные удары волн о берег, шипение тающих пенных брызг, рокот смещаемой галечной массы и стук скачущих по дну огромных булыжников. Иногда в непрекращающийся тревожный гул вклинивались пронзительные крики чаек, похожие на панические вопли утопающих, уже осознавших, что помощь не подоспеет вовремя. Но чайки не терпели бедствие – они готовились пировать и носились над водой белыми бестиями, высматривая в метущихся волнах свою добычу. Завидев рыбу, птицы камнем падали вниз, хватали ее мощными, как тиски, клювами, и, если та оказывалась слишком крупной, чтобы проглотить целиком, стрелой мчались на опустевшие пляжи, увлекая за собой стаю менее удачливых сородичей, тоже желающих полакомиться свежим уловом. Там добыча мгновенно разрывалась на куски, и дележка всегда сопровождалась душераздирающими воплями пернатых. Проглотив все, птицы еще какое-то время бегали по камням, внимательно оглядывая место пиршества в поисках случайно отлетевшего кусочка,

склевывали разбрызганные потроха и чешую и затем, одна за другой, вновь возвращались к охоте.

Лев сидел, прислонившись спиной к бетонному волнорезу, и смотрел на дерущихся чаек – единственный зритель зажигательного птичьего шоу. Желаящих провести время на пляже в шторм, кроме него, не было. Никому не хотелось терпеть натиск сырого ветра и сыплющиеся градом крупные брызги – никому, и Льву в том числе. Но он не мог уйти отсюда – по крайней мере, пока был жив. Пока еще глаза его, измученные бессонницей, не утратили способности видеть, Лев не терял надежды однажды найти какой-нибудь знак, который подсказал бы, что ему делать дальше, особенно в шторм, когда бурные волны выкатывались на берег далеко, к самому волнорезу, и выносили вместе с водорослями и мусором разные предметы, сокрытые прежде в морской пучине. Смотреть на них Льву было страшно. Ведь, если это окажется вдруг ее вещью (в тот день – он помнил – на ней был белый сарафан и голубые сандалии, а волосы были стянуты в два «хвостика» резиночками с пластмассовыми заколками в виде дельфинчиков), то, значит, версия полицейских подтвердится: утонула. А, может быть, море сжалится над ним – отдаст ему ее тело, и, увидев ее мертвой, Лев сможет уйти, наконец, с проклятого пляжа, прервать этот затянувшийся на неопределенное время страшный отпуск, покинуть жуткое место, а заодно и весь этот мир. И он ждал вердикта от судьбы, подозревая, что, скорее всего, так ничего и не

дождется, а просто умрет однажды ночью на холодных сырых камнях от истощения и непрерывно разрывающего душу горя, так никогда и не узнав, что на самом деле случилось с его крошкой, маленькой хохотушкой Раюшкой-попрыгушкой, подвижной и озорной, как солнечный зайчик, с таким же упрямым взглядом, как у него, и с точно такой же улыбкой, как у ее матери. В глубине души Лев не верил, что его дочь могла утонуть: Рая с восьми лет занималась балетом, и к девяти годам мышцы у нее были крепкие, как стальные тросы, а плавала она, пожалуй, лучше него. Но, милостивый Бог, где, где же она тогда может быть?! Версии, одна страшнее другой, рождались в его измученном воображении, разливаясь огнем по нервам, сводя все тело дикими судорогами, и в такие моменты Льву хотелось взорваться криком – так, чтобы лопнули голосовые связки, а вместе с ними и горло, чтобы фонтаном забила кровь и вытекла из вен и артерий в одно мгновение, лишь бы прекратилась эта невыносимая пытка. Но Лев продолжал сидеть каменным изваянием, как дремлющий до поры вулкан, сам не понимая, как это ему удастся, и, наверное, сливался с темно-серой бугристой поверхностью волнореза, потому что чайки совершенно не обращали на него внимания, пробегая иногда прямо по его вымокшим насквозь кроссовкам и пытаясь склевать принимаемые за червяков шнурки. Пожалуй, если птицы и угадывали в нем человека, то, скорее всего, считали мертвым – слишком уж бесцеремонно игнорировали его присут-

ствие. Не то что люди – те видели в нем бомжа и часто просили администрацию пляжа выдворить его с территории. Лев мог их понять: вид у него, наверняка, был устрашающий, если учесть, что всю последнюю неделю он день и ночь просиживал на одном и том же месте у буны, отлучаясь лишь к ближайшему кафе, чтобы проглотить какой-нибудь еды. За это время его лицо густо поросло щетиной, а спортивный костюм цвета топленого молока и белоснежная футболка превратились в изжеванные лохмотья цвета мокрого пепла с прилипшими ошметками водорослей. Ко всему прочему, угрюмый взгляд исподлобья и скрюченная неподвижная поза с подтянутыми к подбородку коленями добавляли облику общеизвестные признаки асоциальной личности. Впрочем, все местные охранники его уже знали и не трогали. Лев слышал иногда, как они объясняли недовольным отдыхающим: «Не обращайтесь внимания, горе у человека, дочка пропала на прошлой неделе, с тех пор так и сидит», и это становилось для туристов главной темой разговоров на остаток дня. Люди шептались, и в обрывках фраз то и дело звучало: «как заштормит, так и выбросит утопленницу», «да нет, уже, поди, разобрали на органы», «вывезли за границу и продали в рабство», «если повезет, может, выкуп еще потребуют», «какой там выкуп – сказали же, неделя прошла», «смотреть надо за своими детьми, тогда и не пропадут», «что творится-то, ужас какой!». От этой болтовни у Льва все внутренности скукоживались, и ему хотелось бежать подальше от скоп-

ления красно-коричневых тел, чтобы не слышать жутких домыслов. Но он не мог уйти отсюда – по крайней мере, пока был жив. Сегодняшний шторм был как нельзя кстати: на безлюдном пляже метались лишь крикливые чайки, а птичьего языка Лев, к счастью, не понимал, поэтому никто не мешал ему прокручивать в памяти подробности того самого последнего дня, когда Раюшка еще была рядом.

Тот день для Льва начался точно так же, как и десять предыдущих: влажное и бодрящее морское утро вместе с птичьими трелями медленно полилось в гостиничный номер через распахнутое Раюшкой окно, подхватило и вынесло его из пучины сновидений на поверхность реальности. Хотя сознание еще покачивалось на зыбкой границе между дремой и бодрствованием, он почувствовал, как дочь стягивает с него ворох одеял – ночи в октябре были прохладные, а отопление в здании еще не включили. Все тело тотчас покрылось «гусиной кожей», и он заворчал:

– Рая, холодно же!

– Наслаждайся, пап, денек будет огненный! – Звонкий, даже пронзительный голос спицей вонзился в правое ухо, и Лев сердито рыкнул:

– Однажды я оглохну от твоих воплей! – Он терпеть не мог, когда дочь так делала, пытаясь поскорее поднять его с постели.

– Мя-а-ау-у! – Рая нарочно взывала кошкой, которой отдавили хвост, и, упав на него всем телом, заливисто рассмея-

лась. Он, не открывая глаз, попытался столкнуть проказницу, но дочь вовремя соскочила с кровати, угадав замысел отца, и теперь прыгала по номеру на одной ноге, намеренно топая по-слоновьи, отчего на лоджии зазвенели стекла, а старый паркет захрустел и защелкал так, будто собран был из артритных старческих суставов.

Этот гостиничный номер, как и все остальные в здании, по современным меркам, был далек от совершенства – комфортным назвать его было нельзя. Старая, еще советская мебель, темная и громоздкая, в свое время наверняка считалась роскошной, но заметно обветшала, покрылась разнообразными отметинами, надписями и нацарапанными рисунками – наверное, отдыхающие мнили себя пещерными жителями, впечатлившись наскальной живописью во время экскурсий в подземелья Кавказских гор. На полу распростерся поблекший красно-черный ковер из натуральной шерсти с вытертым до гладкости ворсом. В сочетании с облезлым паркетом он казался аристократом – обнищавшим, но гордым, и еще хранил былое величие благодаря угадывающемуся за потрепанностью высокому происхождению. В монументальные шкафы было страшновато заглядывать – казалось, внутри притаились скелеты советских чиновников. Свои и дочкины вещи Лев распихал по тумбочкам, будто опасаясь, что в бездонных недрах лакированных шифоньеров они могут затеряться или вовсе исчезнуть магическим образом, провалившись в прошлое. Ванная выглядела камерой пыток: пе-

сочного цвета метлахская плитка на полу и голубой глянцевый кафель на стенах были покрыты несмываемыми бурыми разводами, будто здесь кого-то зверски убили. Кран рыдал, как обиженный слон, а унитаз шумел, как штормящее море. Единственное, что в этом номере претерпело изменения – стены: их недавно покрыли свежей штукатуркой, по-современному рельефной, но, как ни странно, ее вид несколько не контрастировал, а наоборот, даже дополнял общий дух «советского ампира».

Прежде это был санаторий для избранных, роскошный и величественный, с огромным дендропарком, в зелени которого прятались, будто стыдясь чего-то, разнообразные скульптуры из светлого камня, а по обе стороны прогулочных дорожек, уставленных через каждые три метра приземистыми кривоногими лавочками и похожими на цветочные бутоны урнами, выстроились чугунные фонарные столбы, увитые лианами. Здания корпусов украшали колонны с шапками бетонных завитков и причудливая лепнина. Этим все санатории советского периода были похожи друг на друга, отличаясь лишь размахом и уровнем комфорта. Предназначенные для простых граждан обычно наполнялись мебелью и бытовыми предметами без особых изысков, но архитектурный стиль и наличие скульптур советской тематики превращало черноморские здравницы если не в близнецов, то, по крайней мере, в кровных родственников. С тех пор многие из них пережили реконструкцию и сильно измени-

лись, запестрели современными отделочными материалами, обзавелись новыми стеклопакетами и современной тротуарной плиткой на парковых аллеях, утратив прежнюю ауру, навевающую уютную ностальгию на тех, кто помнил те времена. Тишины, сопутствующей размеренному отдыху, там больше не было – территорию наводнили кафе и рестораны, а их, в свою очередь, – шумная энергичная публика, не утихающая до утра. Любителям спокойного здорового отдыха пришлось туго: найти тихое местечко на побережье стало очень непросто.

Лев не искал тихое место. Он наткнулся на этот санаторий несколько лет назад, причём совершенно случайно, роясь в интернете в поисках недорогого жилья у моря – в то время, еще до рождения Раюшки, у них с Верой было неважно с деньгами, а погреться на южном солнышке жене очень хотелось. Тогда они были молоды и влюблены...

«Она бросила тебя!» – разлилась ядовитым огнем по veins нам внезапная обжигающая мысль. Так бывало всегда, когда он вспоминал о жене. Стоило позволить ее образу проникнуть в голову (он пытался не пускать, но время от времени образ все равно вероломно вторгался, разрушая все возможные преграды), и огненный цветок тотчас же распускался внутри, воспаляя каждую нервную клетку, а вскоре все тело охватывало жаром, и душа его, словно у грешника в аду, корчилась от непрерывной тягучей боли. Когда это случилось, Лев уже не в силах был остановить процесс погру-

жения в прошлое, испытывая вместе с муками болезненное наслаждение от воспоминаний.

Вначале санаторий показался им отвратительным. То, что выглядело на рекламной картинке сказочным дворцом, утопающим в пышных пальмах и бесконечно высоких кипарисах, наяву предстало облезлым зданием в трещинах и темных пятнах плесени. Но снаружи все было еще не так плохо по сравнению с тем, что открылось взору, когда Лев и Вера распахнули высокие массивные двустворчатые двери и вошли в темный холл. В первое мгновение убранство показалось роскошным, впечатление портил лишь затхлый воздух. Под высоченным потолком щегольски красовалась гигантская многоярусная – похоже, хрустальная – люстра. Пол из темного паркета покрывали толстые пестрые ковры. Слева возвышалась стойка администратора, справа сверкали витрины сувенирной лавчонки, увешанные разноцветной бижутерией. Вдоль стен стояли уютные диванчики и глубокие объемные кресла в нежной велюровой обивке. Прямо по центру гостеприимно раскинулась ведущая наверх широкая лестница, сверкая лакированными ступенями из массива какого-то хорошего темного дерева. Однако вскоре неприглядные детали проступили повсюду во всей красе: как только взгляд привык к полумраку после яркого солнечного света, стало ясно, что место это ужасно запущенное, давным-давно не знавшее ремонта. Обшарпанность была во всем: в облупившейся и повисшей лохмотьями краске на потолке, в

темных пятен, покрывающих ковры и мебель, в сколах на гипсовой лепнине, густо украшающей верхнюю часть стен, в дверных ручках, сломанных и от того скособоченных в разные стороны, в прорехах на коврах и надрывном скрипе пола при каждом шаге. Полное отсутствие людей в огромном холле усиливало тягостное впечатление. Не было не только отдыхающих, но и персонала, и продавца в сувенирной лавке, даже стойка администратора пустовала – их никто не встречал.

Вера прерывисто вздохнула, явно сдержав недовольное высказывание: наверное, не хотела расстраивать Льва, ведь это был его выбор. Жена всегда была очень тактична со всеми. Вдруг ее внимание привлекло большое черное пианино, стоявшее в глубине холла справа от лестницы. Вера отпустила ручку чемоданчика, который катила за собой, и поспешила к инструменту под звучные скрипы паркета. Откинув крышку, она прошлась по клавишам одной рукой, и пианино выдало приятную мелодию, слегка ущербную из-за западающих клавиш, но глубокого качественного тембра, говорившего о том, что инструмент в свое время был очень даже хорош. Наверное, на нем давно никто здесь не играл, и неожиданные звуки привлекли внимание обитателей: тотчас откуда ни возмись за стойкой администратора возникла пожилая женщина слегка помятого вида – возможно, она дремала, устроившись где-то под ней, и не услышала шагов вошедших. Теперь же, внезапно разбуженная музыкой, она

суетливо загремела ключами и неуклюже выбралась из своего укрытия в холл, приветствуя гостей. Одновременно с ней из бокового коридора вышел мужчина в форме охранника и окинул всех пристальным взглядом, но, наверное, убедившись в отсутствии опасности, буркнул что-то невнятное и тут же исчез.

Женщина-администратор проводила их в номер, расположенный на втором этаже – просторный, с высотой потолков (Лев прикинул «на глаз») никак не меньше четырех метров, с огромной лоджией, за окнами которой призывно сверкала морская синева, выглядывая в просветах между пальмами. Залитая ярким солнечным светом большая комната сгладила давящее чувство, оставшееся после сумрачного холла. И пахло здесь гораздо лучше – морем, кипарисами и счастьем. Вера метнулась к окнам, загремела старыми железными шпингалетами, раскрыла створки на всю ширину, сдвигая цветастые легкие шторы, и, обернувшись к нему с сияющим лицом, завопила так, будто нашла клад:

– Смотри! Здесь граната!

Лев непонимающе моргнул, соображая, что она имеет в виду, а Вера уже высунулась по пояс в окно и тянулась куда-то обеими руками, опасно балансируя на одной ноге, а вторую пыталась забросить на подоконник. Еще секунда, и жена рухнула бы вниз, а, учитывая высоту потолков, шансов остаться в живых у нее было совсем не много. Лев сорвался с места и вовремя втянул ее обратно, испуганно крича: «Ку-

да?! С ума сошла?!» Вера повернулась, смеясь, показала зажатый в руке красно-коричневый плод и снова воскликнула: «Граната!» Только теперь до Льва дошло: этот рискованный маневр был предпринят женой, чтобы сорвать с растущего за окном дерева гранат! Она почему-то всегда произносила название этого плода именно в женском роде, прекрасно зная, что это неправильно. Лев рассердился на нее тогда: «Что ты творишь?! Как ребенок! Хорошо хоть, не упала! А если кто-то увидел, как ты покушаешься на собственность санатория? Позорище! Неужели нельзя на рынке было купить?!» Она весело возразила: «Как ты не понимаешь: на рынке – это же совсем не то!»

«Граната» оказался плодом совершенно несъедобным, кислющим до невозможности, а зерна в нем – белыми, и Вера его выбросила. Но прежде попросила сделать несколько ее снимков с «трофеем» в руке у окна на фоне синеющей полосы моря. Снимки до сих пор хранились в памяти его смартфона вместе с множеством прочих. А Веры в его жизни уже не было.

«Бросила! – выскочила мысль, и нервный импульс, вызванный ей, кинжалом вонзился прямо в сердце. – Бросила и меня, и Раюшку! Бросила, как ненужные старые вещи! Что за мать, которая бросает своих детей, особенно таких маленьких! Раюшке было всего восемь! Что за мать?! Гадина!» – Нахлынувшая внезапно волна гнева начисто смыла сладкие грезы счастливого прошлого, и неизвестно, как долго он еще

истязал бы себя ненавистью и болью, но голос дочери прервал жестокую пытку, выдернув его сознание из зацикленного состояния:

– Па-апа! Ну, па-а-па! – Раюшка кричала, как сердитая чайка. – Кофе твой уже остыл совсем! Иди завтракать, я бутерброды сделала и овсянку заварила!

Лев поднялся со скрипучей кровати и побрел на лоджию, где стояли круглый стол и два плетеных кресла, на одном из которых восседала, забравшись на сиденье с ногами, дочь с огромной дымящейся кружкой в руках. В воздухе плавал головокружительный аромат какао.

– Хозяюшка! – Он через силу улыбнулся ей, стараясь не выдать того, что творилось в душе, но лицо его мгновенно вытянулось и застыло в страдальческой гримасе, когда взгляд скользнул сквозь распахнутое окно: напротив подоконника на тонкой изогнутой ветке покачивался круглый красно-коричневый гранат. Плод выглядел в точности так же, как и тот, который десять лет назад сорвала Вера. И почему этот случай вспомнился ему именно в то утро? В то безмятежное утро самого страшного дня в его жизни.

Звонок телефона, донесшийся из глубины комнаты, заставил Льва вернуться к кровати. Приглушенная мелодия пробивалась из-под подушки. Он выудил аппарат и замер в нерешительности. Только этого сейчас не хватало! На экране высветилось имя: «Надежда». Сестра жены! Странно и неожиданно. Отвечать не хотелось, но Лев подумал, что, если от-

кажется говорить, то потом весь день будет ломать голову, гадая, что ей было нужно. К тому же, скорее всего она ему снова перезвонит, и говорить все равно придется.

– Да! – рявкнул он совершенно недружелюбно, давая понять, что не склонен к беседе.

– Привет, – раздался приятный девичий голос, и по телу Льва мгновенно побежали мурашки. Ему показалось на миг, что говорит Вера. Голоса сестер были почти идентичны, особенно по телефону – он часто путал их в первые секунды разговора.

– Надя? – уточнил он, словно сомневаясь.

– Еще узнаешь? – ответила та с грустной усмешкой. – Кажется, сто лет не общались. Нельзя же так! Отгородился совсем. Неправильно это. – Голос Нади сделался жалостливым, просящим.

– Перестань! – раздраженно отрезал Лев. – Твой звонок очень не вовремя.

– Когда же он будет вовремя? – Из-за ироничной интонации голос прозвучал пискляво и отталкивающе. – Ты рассказал Рае правду о матери?

– Нет. Не было подходящего момента. – Лев уже пожалел, что ответил на звонок. Ничего нового сестра жены ему не скажет, так и будет нудить одно и то же, как обычно.

– Ты обещал... – Ее осуждающий тон взбесил Льва. Ну вот, она начала снова его урезонивать!

– Послушай, чего ты от меня хочешь? Чтобы я сказал ей,

что мать бросила и ее, и меня из-за своих дурацких фантазий?! – выпалил он и тут же спохватился испуганно: не услышала ли Рая. Вытянув шею, он осторожно заглянул на лоджию. Дочь сидела, уткнувшись в экран планшета, увлеченная игрой, и не смотрела в его сторону. Лев вздохнул с облегчением (не слышала) и вернулся к разговору, собираясь немедленно его закончить.

– Знаешь, Надя, – зашипел он гневно, – мы сейчас в санатории, отдыхаем на море. Не порти отпуск, пожалуйста! Поговорим, когда вернусь, на следующей неделе.

– Ты слишком жесток к Вере, – прозвучало в ответ. – Поступаешь не по-человечески. Ты ведь сам довел ее до этого, признайся!

– Ну-ну, давай... Пусть тот, кто без греха, первым бросит в меня камень! – сам от себя не ожидая, перефразировал он цитату из Библии. – По крайней мере, я не бросал ни жену, ни дочь, так что... Ладно бы, она оставила только меня, но как она могла поступить так с собственным ребенком?!

– Господи! Ну, может быть, не могла она по-другому?! Все делают ошибки в жизни! – С шепота Надин голос перешел на визг, и в ухе Льва неприятно завибрировало.

– Согласен. Но некоторые поступки невозможно оправдать, – возразил он железным тоном. – И не надо пытаться меня разжалобить. Никому от моей жалости легче не станет. До связи, Надя. – Лев с облегчением нажал отбой, и в тот же миг с лоджии закричала Раюшка:

– Па-а-а-а-па! – Вышло с сильным нажимом на первом слоге, очень требовательно, и тут же она добавила обиженно: – Кофе давно остыл, а скоро и каша прокиснет! Посмотри в окно, солнце уже всю жарит, а мы еще в номере сидим! Все нормальные люди давно на пляже!

Лев через силу проглотил завтрак, приготовленный для него Раюшкой, зная, что та не отстанет от него, пока он все не съест. Дочь проворно убрала со стола и вымыла посуду: научилась хозяйничать за последний год, оставшись без матери. (Бросила!) Затем Рая ненадолго исчезла в ванной и появилась, готовая к пляжному отдыху, в белом сарафане. Из-под бретелей на плечах выглядывали голубые завязки купальника. Волосы были стянуты в два высоких «хвостика» резинками с голубыми дельфинчиками. Холщовая сумка с полотенцами стояла на тумбочке в прихожей, дочь подхватила ее и сунула ноги в сандалии. Лев еще долго возился с одеждой, и Рая ворчала на него, подпрыгивая на месте от нетерпения, а бирюзовые бусы, болтающиеся на ней чуть ли не до пупа, дробно позвякивали, порядком действуя ему на нервы этим звуком. Снова она их нацепила!

– Зачем тебе на пляже бусы? – спросил Лев, сердито покосившись на дочь.

– Затем! – огрызнулась та, порывистым движением прижала нитку бус к груди и упрямо поджала губы, давая понять, что бусы она будет отстаивать до конца.

Это были бусы Веры, из натуральной, очень дорогой би-

рюзы. Лев подарил их ей на рождение Раюшки. Тогда он уже мог себе позволить подобные траты. Теперь бирюзу носила дочь, и сколько Лев ни пытался уговорить ее дать укоротить длину нитки, так и не сумел. «Ходишь, цепляешься бусами за все подряд!» – вразумлял он ее, но все было тщетно. Бусы висели на Рае до пояса и гремели при каждом движении, напоминая о Вере острыми уколами в сердце.

Снаружи оказалось уже очень жарко, южное солнце быстро прогревало остывший за ночь воздух. Зной проник даже в тенистый дендропарк, а на пляже было настоящее пекло. Марево колыхалось над морем, и казалось, что небо тоже идет волнами и вот-вот перемешается с водой в единую бирюзовую массу.

Свободного пространства между лоснящимися телами было не так уж много, несмотря на то, что октябрь – последний и самый прохладный месяц курортного сезона. Лев и Рая расположились поближе к воде на небольшом пятачке между полной крупной женщиной с виду лет пятидесяти, отличающейся огненной кудрявой шевелюрой, и молодой девушкой, загоревшей уже до кофейного цвета и неизвестно чего еще желавшей получить от солнца. Когда Лев растянулся на пляжном полотенце, между ним и девушкой оставалось не больше двух метров, а Рая оказалась совсем рядом с рыжеволосой дамой, и обе сразу начали болтать, как старые знакомые. Льву показалось, что он уже видел эту немолодую пышнотелую рыжуху здесь раньше, и, возможно, она тоже

была из их санатория, просто из другого корпуса. Большинство людей на пляже он знал в лицо, встречаясь с ними последние десять дней отдыха. Это давало ощущение некоторой безопасности, будто все вокруг «свои». Как же он был наивен! Почему он не поинтересовался сразу, как зовут эту незнакомую тетку, не спросил, откуда она, если видел, что с ней болтает его дочь? Почему он даже не послушал, о чем там они болтают? Почему он больше не взглянул на Раюшку и не вспомнил о ней до того самого момента, когда спохватился и внезапно понял, что давно не слышал ее голоса?! Потому, что... всего в двух метрах от него лежала симпатичная девушка, и он заметил, как внимательно она наблюдает за ним из-под прищуренных век. Впрочем, у той девушки он тоже не спросил имени – наверное, из-за оживленной беседы не успел... зато успел предложить ей прийти вечером к ним в гости в санаторный номер.

Девушка постоянно улыбалась, сверкая красивыми зубами, белоснежными на фоне смуглой кожи, и Лев, слушая ее, боялся пропустить хоть слово, хотя, насколько он мог сейчас вспомнить, говорила пляжная нимфа всякую чушь, что-то типа: «Жаркий октябрь, пиво в местном кафе разбавленное, видела дельфинов, нашла на бунах устрицы». Точно, вот про устрицы она тараторила не меньше четверти часа, рассказывая ему, что черноморские лучше средиземноморских, потому что в последних столько соли, что их невозможно есть, и поэтому для продажи устрицы там выращивают в опрес-

ненной воде, а здесь можно лакомиться сразу, срывая прямо с камней, беда лишь в том, что попадаются они редко. Лев слушал, не перебивая, лишь иногда односложно отвечая на ее вопросы, типа: «Вы на отдыхе или местный? А это ваша дочурка? Такая прелесть! Долго еще пробудете? А где остановились?» Голос дочери все время доносился до него отдаленным фоном. Несколько раз Рая настойчиво просила его о чем-то, но Лев так и не смог вспомнить суть ее просьб. В памяти осталось лишь: «Па-а-ап! Ну, можно, па-а-ап?! Ну, пожалуйста, ну, можно?!» Он, дурак, кивал, не глядя, и та отставала. А о чем она его просила, Лев узнал гораздо позже и совсем не от нее.

Рая исчезла одновременно с рыжеволосой дамой. Когда Лев хватился дочери и поискал взглядом пышнотелую соседку, чтобы расспросить ее о своем ребенке, той поблизости не оказалось. Вначале он даже не испугался, решил: купаться пошли, но желающих окунуться в прохладное октябрьское море было гораздо меньше, чем загорающих – неподалеку от берега виднелось лишь с десятков голов, и все они принадлежали незнакомым людям.

– Ты не видела, куда она ушла? – нервно спросил Лев у девушки, с которой беседовал последний час.

– Кто? – Пляжная нимфа высоко вскинула татуированные брови и округлила глаза.

– А! – Отмахнувшись от нее, Лев поднялся и, обжигая ступни о раскаленную гальку, пошел расспрашивать отдыха-

ющих. Биение его сердца уже ускорилося, но в тот момент он еще надеялся на лучшее. Большинство окружающих вспомнили, что видели и Раю, и рыжеволосую женщину, которую, кстати, никто не знал, но когда и куда те подевались, сказать не могли. Кто дремал, кто читал, кто разглядывал чаек. Один мальчик лет семи, сын семейной пары, расположившейся неподалеку, сообщил, что слышал, как Рая просила Льва разрешить ей покататься на катамаране с тетей Жанной. Мальчик запомнил это, потому что тоже захотел отправиться в морское плавание и начал просить родителей взять катамаран в прокате. Так Лев узнал, что хотела от него дочь и на что он бездумно, не вникая, дал согласие, а также выяснил имя незнакомой женщины, хотя от этого толку было немного.

Взгляд Льва заметался по морской глади, но в поле зрения не было ничего похожего на катамаран, только рыбацкий катер, стрекоча мотором, удалялся по направлению к горизонту. Растерявшись и не понимая, что ему делать, Лев сложил ладони рупором и принялся выкрикивать имя дочери, надрывая голосовые связки. Люди с сочувствием поглядывали на него, кто-то встал рядом и тоже начал кричать, повторяя за Львом. Внезапно Лев почувствовал чье-то прикосновение. Перед ним стоял незнакомый дед в серой рабочей робе – судя по мешку с мусором, зажатому в руке, это был уборщик пляжа – и сообщил, что заметил, как женщина с девочкой забирались в прогулочный катамаран, какие сда-

ются в прокат неподалеку.

Учащенный стук сердца превратился в набат. Лев, не отдавая себе отчета, вцепился в стариковские плечи и заорал:
– Где это было? Куда они поплыли? Куда?!

Не ожидавший такого напора, дед отшатнулся и забормотал виновато:

– Да я не смотрел на них, все больше под ноги! Работа у меня такая. Мусор собирал. Видел, как в катамаран залезали, а чтоб обратно высаживались, не заметил. А что случилось-то?

– Где ты их видел?

– Да у проката, вон там! – Он махнул рукой влево.

Лев потащил деда за собой в прокат катамаранов, находящийся в паре сотен метров левее. Парень, выдающий «плавсредства», подтвердил, что женщина и девочка брали у него катамаран на два часа, но назад еще не вернули. Два часа не истекли, и поэтому он не беспокоился. Женщину и девочку работник проката видел впервые, документов не спрашивал, деньги получил вперед. Больше парень ничего сказать не мог.

Пришлось вызвать полицию. Те приехали быстро, ходили по пляжам, опрашивая всех подряд, но вместо дочери нашли только прогулочный катамаран, прибившийся к берегу в паре километров от того места, где последний раз видели пропавшую девочку. Дед-уборщик, взглянув на «плавсредство», сообщил, что катамаран похож на тот, в который садились

женщина и девочка, но утверждать, что это тот самый, не может – мало ли одинаковых катамаранов в море плавает!

Но все-таки оказалось, что катамаран тот самый. И когда это выяснилось, Лев ощутил на себе, что значит выражение «свет померк перед глазами». Когда он увидел зацепившуюся за педаль нитку бирюзовых бус, все вокруг тотчас исчезло из поля зрения: полицейские, дед, море, катамаран и даже сама педаль, на которой болтались бусы. Остались лишь бирюзовые шарики – взгляд, казалось, намертво прирос к ним, и ничего больше Лев не мог видеть.

По найденной вещи полицейские сделали вывод, что ребенок и рыжеволосая дама утонули. Предполагалось, что одна из них могла потерять сознание из-за солнечного удара – скорее всего, пожилая женщина, а девочка либо по глупости попыталась вытащить ее из воды и упала, либо катамаран во время падения в воду крупногабаритной пассажирки перевернулся, и, возможно, девочка получила травму, отчего тоже пошла на дно. Полицейские подключили водолазов. Те исследовали дно в течение нескольких дней, и все это время Лев, словно парализованный, сидел на пляже в ожидании страшной находки. Но Раю так и не нашли. Ему сказали, что во время поисков был охвачен достаточно большой периметр, но дальше искать они не могут: начинается шторм, и работать в таких условиях небезопасно. Полицейские все равно определили Раю, как утонувшую. Личность рыжеволосой женщины установить не удалось. На этом и закрыли

дело.

Шторм все набирал силу, волны набрасывались на берег, с каждым рывком подступая все ближе. Пена с угрожающим шипением таяла под кроссовками, ее обрывки пленками покрывали лоб и стекали по щекам, застревая на губах, – соленые, как слезы. Лев сидел, уткнувшись лицом в колени. Перед закрытыми глазами одна за другой сменялись картины рокового дня. Его мучило бесконечное «если бы»: если бы они с Раюшкой расположились в другом месте, подальше от рыжеволосой тетки; если бы он не заговорил с девушкой; если бы он, в конце концов, слушал, о чем просит дочь, тогда этого не случилось бы. Не случилось бы в этот раз, но могло произойти в следующий, потому что он и в самом деле хреновый отец, и ему гораздо интереснее было слушать дурацкую болтовню красотки, из которой он едва помнит пару фраз, чем уделить внимание собственной дочери! Красотки... Они исковеркали всю его жизнь! Вечно лезут к нему со своими призывными улыбочками, заманивают щебетом, ослепляют яркой внешностью. Это из-за них ушла Вера! Это из-за них он потерял Раюшку! И сколько ни пытался Лев удержаться, не поддаваться на их уловки, они всегда оказывались сильнее его. Коварные хищницы с глазами ангела! Жадные – им всегда было мало, сколько ни дай. Мало денег, украшений, автомобилей! Они всегда хотят забрать все, что есть, и что еще только будет, получить с его помощью безлимит на красивую жизнь. Они всегда пытаются заграба-

стать его самого, с потрохами, и ни одна не желает довольствоваться дорогими подарками, на которые он всегда был так щедр! Красотки... Они с грациозной легкостью шагают по головам мужчин и смеются над ними, считая доверчивыми простачками.

Льву показалось даже, что он слышит издевательский пронзительный женский смех. Уверенный, что это лишь игра его воображения, он все же поднял голову и окинул хмурым взглядом пустынный пляж. Кроме крикливых чаек, поблизости никого не было, однако смех отчетливо доносился со стороны моря и, приближаясь, становился все громче. Смех звучал возмутительно: заливисто, даже визгливо, как у сумасшедшего клоуна, и этим бил по нервам. Лев повернулся к морю и увидел гигантскую птицу, парящую над бугристой поверхностью воды; размах ее крыльев мог посоперничать с дельтапланом. Контрастное оперение, черное сверху и белоснежное с внутренней стороны, делало птицу похожей на Бэтмена, мчащегося на очередную спасительную операцию. Альбатрос! Лев никогда не видел его воочию, хотя часто бывал на море, и теперь от созерцания величественного красавца у него даже дух захватило. Смех оказался криком буревестника, и в этом Лев усмотрел некую издевку природы: разве подобает покорителю морей так вульгарно хохотать?!

Тем временем птица летела, казалось, прямо на него, заставляя крыльями небосклон. Альбатрос снизился неподале-

ку, устроившись на добела вылизанном волнами огромном корневище неизвестного дерева, выброшенного штормом, и уставился на Льва пристальным взглядом, нисколько не беспокоясь по поводу присутствия человека. «Надо же, какой храбрец!» – с удивлением подумал Лев. Казалось, протяни руку, и можно поймать его за горделиво вытянутую шею. Но, наверное, пернатый насмешник понимал, что человек его не тронет, и спокойно стоял перед ним, сверля черными глазами. От его взгляда у Льва возникло чувство, будто тот хочет что-то сказать ему. Что-то важное. Ведь не зря же он прилетел сюда и сел напротив! Альбатрос что-то знает. Он наверняка все видел с высоты поднебесья! Видел, что случилось с Раюшкой. Знает, где она сейчас. Лев пожалел, что не понимает птичий язык: возможно, в смехе альбатроса он мог услышать подсказку. Дочь жива, он чувствовал это всем сердцем, но не имел ни малейшего представления, где ее искать.

Неподалеку захрустела галька. Кто-то шел по пляжу, и испугнутая птица, развернув бесконечные крылья, поднялась в воздух. Лев повернулся на звук шагов и узнал деда, уборщика пляжей. Только вот что тому было делать на побережье во время шторма? Ведь убирать мусор бессмысленно: море постоянно вышвыривает новые порции разнообразного хлама, охапками выносит сломанные ветки и пучки водорослей. Потом Лев понял, что мусор деда совсем не интересует. Тот шел, не глядя под ноги, и с каждым шагом прибли-

жался к нему.

– Чего тебе, батя, не сидится дома на теплом диване в такую погоду?! – крикнул Лев. Перекричать рев моря было не так-то просто, и хотя дед был уже рядом, но все равно не слышал и переспросил, повернувшись ко Льву ухом с приставленной ребром ладонью.

– Меня, что ли, проведать решил?! – снова выкрикнул Лев, глядя на деда снизу вверх. Он бы встал, да опасался, что ноги, задеревеневшие от долгого сидения, подведут и не удержат его тело.

– Ага! – тоже крича, ответил дед, роясь в кармане куртки. – Тут вот это... Нашел кое-что. – Он извлек мятый листок бумаги и протянул его Льву. Лист затрепетал, тут же схваченный ветром, намерившимся вырвать его из стариковской руки. – Письмо, что ли, какое-то.

Лев вцепился в бьющийся пойманной птицей листок, расправил и поднес к глазам, пытаясь разобрать корявые буквы текста, написанного синим карандашом, но не успел прочесть и первой фразы, как буквы неожиданно смешались и хаотично забегали перед глазами скопищем потревоженных насекомых. И в тот же миг взорвалось его сердце. Первые три слова, которые Лев успел прочитать – «Привет, Лека-лежебока!» – были написаны неумелым почерком Раюшки.

Дразнить его «Лекой-лежебокой» Рая начала в отместку на Раюшку-попрыгушку, – прозвище, придуманное Львом за то, что дочь часами скакала по квартире, пытаясь исполнить

балетные трюки, называемые ею «па де бак» и «антраша», и при этом тяжело топала. «Я не попрыгушка, я балерина! – сердито кричала она в ответ на казавшееся ей обидным прозвище. – А ты... ты тогда Лека-лежебока! Вот! Только и делаешь, что лежишь на диване!» Лев возразил ей, что Лека не может иметь к его имени никакого отношения, слишком уж исковерканное, но Рая с тех пор только Лекой его и звала.

Лев прижал к коленям пляшущий в руках лист и жадно впился в него взглядом. Буквы понемногу успокаивались, возвращаясь на свои места, и вскоре можно было читать дальше. Весь окружающий мир мгновенно перестал существовать, пока Лев пожирал глазами слово за словом, в надежде, что истина вот-вот откроется: похоже, дочь нашла способ сообщить, где находится! Наверняка она похищена, и, раз выкуп до сих пор не потребовали (Лев установил на смартфоне самую большую громкость звонка и часто проверял список входящих вызовов, но последний, недельной давности, был от Нади), значит, цель похищения – не деньги, и думать об этом было страшно.

Однако, кое-как осилив небольшой текст, Лев разочарованно замотал головой и прикусил нижнюю губу, сдерживая подступившее рыдание – в письме не было никакой информации! Лишь бессмысленный набор цифр и слов, похожий на нескладную считалочку. Ничего – совсем ничего! – о том, где сейчас его дочь, цела ли и как ее вернуть!

Текст был следующего содержания:

«Привет, Лека-лежебока!

1,2,5 – люблю танцевать.

4,6 – талант есть.

1,4 – мой танец лучший в мире.

15, 7, 5, 21 – я лучшая из балерин.

Зря я плакала. Помнишь, Лека-лежебока?

Рая».

Ни единой зацепки! Ноль информации! Наверное, Раю накачали какими-то сильнодействующими препаратами, и она написала это в неадекватном состоянии. Боже, ужас! Хотя не так уж все и плохо – теперь он знает главное: дочь жива! Лев почувствовал, как жизнь стремительно возвращается в его одеревеневшее тело, врывается бурным водопадом, толкает бежать на поиски со всех ног – хоть на край света. Вот только еще знать бы, где этот край... И вдруг догадка озаряет мозг яркой вспышкой: это может знать тот, кто передал письмо!

Деда-уборщика рядом уже не было. Его удаляющаяся фигура маячила вдаль. Льву казалось, что прошла секунда с того момента, как он взял письмо из его рук, и вот, того и гляди, дед скроется в туннеле подземного перехода под железнодорожными путями. Лев сунул драгоценный клочок бумаги в карман спортивной куртки, вскочил и помчался следом на нетвердых, подкашивающихся ногах, спотыкаясь и едва не падая. Чудом не разбился, растянувшись на ступенях лестницы, ведущей наверх, на набережную, оцарапав колени

и ладони. «Де-ед, сто-о-ой!» – заорал он хрипло. Крик прозвучал карканьем обезумевшего ворона. Дед обернулся, на лице его отразился испуг, и он припустил бегом, неуклюже переваливаясь с боку на бок и шаркая ногами. Лев догнал его в подземном переходе, схватил за плечи и с размаху впечатал в стену, обложенную кафелем.

– Кто? Кто дал тебе... письмо?! – бешеным зверем прычал Лев, с силой встряхивая тело старика, будто от этого ответы могли сами вывалиться из него.

– Никто. – Тот растерянно захлопал глазами. – Я ее не знаю.

– Кого «ее»?! – взревел Лев, вспугнув пожилую пару, появившуюся из-за поворота. Те мгновенно исчезли, повернув обратно.

– Барышня одна обронила. Да отпусти, не убегу! – Дед спихнул с плеч удерживавшие его руки Льва. – У супермаркета. Она мимо урны промахнулась, а я подобрал. Я в том супермаркете тоже уборщиком подрабатываю, если что... За пляж-то много не платят. В общем, полюбопытствовал, развернул бумажку и вижу: «Лека-лежебока» написано. Слыхал как-то раз, что дочка твоя так тебя звала, ну, и решил тебе отдать. Вдруг там зацепка есть.

– Как выглядела девушка? – спросил Лев, немного успокоившись и отстраняясь, но лишь на полшага.

– Как, как... Не знаю. Молодая, красивая. – Старик задумчиво поскреб заросшую щетиной щеку.

– Ну, а ты ее раньше где-нибудь видел?! – Надежда Льва найти похитителей быстро испарялась, оставляя в душе горький осадок разочарования.

– Поди всех упомни-то! За сезон столько народу перебывает! Может, и видел, но знаком не был. А что там, в письме? Что так взбесился-то? Неделю сидел ни живой, ни мертвый, а тут, глянь, озверел! Страху-то нагнал! Я уж думал, убивать меня бежишь! – Дед потирал намятые плечи. – Аж в спине хрустнуло что-то, как швырнул-то меня об стену! – Испуг в его взгляде сменился укоризной.

– Прости, батя. Сам не свой, не думаю, что творю. От дочки письмо, только ни черта не понятно. Зачем она это написала? Загадка, – произнес Лев виновато, и вдруг последнее сказанное им слово натолкнуло его на мысль: что, если в тексте кроется что-то еще? Наверняка Рая не могла написать все открыто, иначе письмо бы не передали. Точно! Какой же он дурак! А Раюшка – умница, наверное, придумала способ, как обхитрить похитителей. Надо лишь напрячь как следует мозги... Лев хотел уже достать письмо и тут же заняться разгадыванием ребуса, но вспомнил, что дед все еще стоит перед ним, не имея возможности уйти: он нависал над стариком, как коршун над жертвой.

– Дед, ты... это... иди, наверное. Не держи зла, ладно? – Лев отошел, освобождая путь.

– Да какое там зло! – тот сочувственно покивал. – Такое стряслось! Дите пропало, это ж... Любой разум потеряет.

Так жива, значит, дочка-то? – Он с любопытством покосился на листок, уже извлеченный Львом из кармана.

– Жива! – Лев поднял голову и просиял улыбкой – впервые за последнюю неделю. – Я скоро ее найду!

– Поди, в полицию надо сообщить, – произнес дед неуверенно.

– В полицию? – Лев тут же представил бесконечные вопросы следователей, заполнение бумаг, изучение экспертами письма: все это могло занять много времени, тогда как важна была каждая минута. – Некогда мне с ними. Сам управлюсь.

– Ну, как знаешь... – Старик похлопал Льва по плечу. – Удачи тебе! – Повернувшись, чтобы уйти, дед вдруг обернулся и сказал: – Вспомнил я... У барышни той на руке ангелочек был!

– Что?! – Лев вскинул голову и уставился на деда. – Какой еще ангелочек?!

– Татуировка, вроде. – Старик показал на тыльную сторону своей левой руки. – Вот здесь был ангелок. Маленький такой. Черный.

Память тотчас выдала Льву картину: тот самый страшный день на пляже, Рая о чем-то щебечет с рыжухой, а он смотрит на вытянувшуюся перед ним загорелую нимфу. Девушка лежит на животе, уткнувшись подбородком в скрещенные руки, кисть левой расположена на локте правой. Лев тогда не обратил внимания на тату, потому что у девушки были более интересные части тела, на которые ему нравилось смотреть,

но все-таки он заметил его – миниатюрный ангелочек, выбитый на нежной бронзовой коже под большим и указательным пальцами. Теперь Лев отчетливо вспомнил татуировку в мельчайших деталях. Его встряхнуло от осознания того, что пляжная нимфа замешана в исчезновении его дочери. Так вот почему эта красотка трещала без умолку, не давая ему возможности даже обернуться к Рае! Отвлекающий маневр! Но ведь он сам выбрал место возле той девушки! Если похищение было спланировано заранее, откуда ей было знать, что он с дочерью расположится рядом? Это могло означать то, что похитить планировалось не именно Раю, а любого ребенка, который оказался бы поблизости. Расчет был прост: люди, разморенные на солнце, на пляже обычно становятся беспечными и не так зорко следят за своими детьми. Похитители прекрасно это знали. И как ловко придумано: взять напрокат катамаран, а потом бросить его в море – будто утонули! И у полиции никаких хлопот! Ведь ни один сезон не обходится без утонувших. Ну, а то, что тела не нашли, так где ж их найдешь – море-то вон какое огромное, тело в нем, что камушек с галечного пляжа. Не всех ведь находят. Бывает.

Лев вдруг вспомнил о старике и огляделся, но того в подземном переходе уже не было. Шум воды, доносящийся из-под решеток «ливневки», заглушил шаги уходящего. Лев вышел из туннеля на набережную и сел на лавочку лицом к морю. Сейчас его память представлялась ему захлавленной кладовкой, в которой среди наваленных кучей старых вещей

требовалось отыскать кое-что очень важное. Где-то вдали под аккомпанемент штормовых раскатов по-прежнему хохотал знакомый ему альбатрос.

Шкуродер

В то время как альбатрос, безумно хохоча, парил над Черным морем неподалеку от сидящего на берегу Льва, на расстоянии двух тысяч километров к северу другое море, гораздо более неприветливое и холодное, катило горбатые волны к Финскому заливу, повинувшись мощным порывам октябрьского ветра. Человек в черном плаще с поднятым воротником, прикрывающим отвороты серой вязаной шапки, изучал тоскливым взглядом укутанный плотными тучами горизонт, будто искал там что-то. Он и в самом деле искал – пожалуй, всюду, кроме, моря и неба. Где он только не побывал за последний год, с тех пор, как на него обрушилось предчувствие скорой смерти. Умирать было очень страшно, причем пугала не физическая смерть как таковая, а неизбежная расплата за грехи, ожидающая за чертой, в потустороннем мире, и в этом было стыдно признаться самому себе. Ведь он никогда не был верующим! Всю свою жизнь он только и делал, что проливал чужую кровь, начиная с детского возраста, и даже не думал о Боге. Тогда его и прозвали Шкуродером, хотя и случилось это задолго до первого совершенного им убийства.

Прозвище приклеилось к нему, когда он еще жил вместе с отцом в глухой северной деревушке под Питером. Воспоминаний о матери у него совсем не было. Отец рассказал, что

выгнал ее за пьянство, и та скиталась по деревне вместе с собутыльниками до тех пор, пока однажды не погибла в пьяном угаре. Отец, по деревенским меркам, считался зажиточным: в его хозяйстве, кроме двух коров и десятка свиней, было еще несметное количество кроликов, которых тот и сам не мог пересчитать, потому что ушастые нарыли нор в сарае, и неизвестно было, сколько их пряталось там, но судя по регулярно появлявшимся новым крольчатам, очень много.

Вот с кроликов все и началось. Отец снимал с них шкуры, вымачивал в специальном растворе, скоблил, высушивал и отвозил в город, где сдавал в ателье для пошива шуб. Весь процесс освежевывания происходил в отдельном помещении сарая, и дощатый пол там был коричневым от впитавшейся крови, а все пространство было заполнено свисавшими с потолочных балок оголенными тушками зверьков. Глаза навывкате, острые белые зубы и длинные красные тела, лишившиеся пушистого покрова, делали их похожими на маленьких, но опасных чудовищ, готовых наброситься на вошедшего, чтобы растерзать в клочья. Однажды отец сообщил сыну, что тот достиг возраста, когда даром есть свой хлеб уже стыдно, и принялся учить его снимать кроличьи шкуры. Поначалу ничего не выходило: к горлу подкатывала тошнота, руки дрожали, а шкурки рвались от неумелых движений. Но постепенно он привык, а жалость, терзавшая его при виде убитых отцом животных, куда-то незаметно исчезла. Вскоре он и сам научился их убивать. Как-то раз он про-

демонстрировал свое умение друзьям, таким же десятилетним мальчишкам из его деревни, на бездомной кошке. С тех пор все его звали Шкуродером, но звучало это не издевательски, а вполне уважительно. К тому же он заметил, что одноклассники стали его побаиваться – даже те, кто еще недавно не упускал случая отвесить ему звонкий подзатыльник или дать пинка сзади. Он понял: тех, кто может убивать, уважают и не рискуют вставать у них на пути. Вывод, сделанный в далеком детстве, повлиял на всю его дальнейшую жизнь, а умение хладнокровно сдирать шкуру пригодилось и в другой области: в криминальном мире за это платили огромные деньги. Правда, свежевать требовалось не убитых зверьков, а живых людей с целью получить от них необходимые сведения и вынудить совершить требуемые действия. Шкуродеру даже не приходилось слишком трудиться: едва его острый скальпель наносил первый надрез, как жертвы сразу сообщали пин-коды банковских карт и подписывали дарственные на квартиры, хотя многие справедливо догадывались, что жизнь это им не спасет. Лишь изредка попадались сложные экземпляры, и тогда Шкуродер мог в полной мере проявить свое мастерство, снимая с непокорных огромные лоскуты кожи. Иногда травмы жертв оказывались несовместимы с жизнью. Сколько их всего было, замученных до смерти, Шкуродер никогда не считал и никакой жалости к ним не испытывал – отучился жалеть своих жертв еще на кроликах. Ему и теперь никого не было жаль: похоже, способность

к подобным чувствам у него совершенно атрофировалась. Но он и подумать не мог, что его настигнет страх расплаты за содеянное, да еще в такой религиозной форме! Шкуродер банально боялся оказаться после смерти в аду и вечно корчиться в муках. Вначале он пытался как-то отвлечься от странного наваждения, решив, что просто устал и ему нужен отдых. Но под жарким солнцем тропических пляжей, куда он отправился, чтобы привести в порядок нервы, страх не только не ослабел, а продолжил нарастать. Шкуродер потерял сон и аппетит, вздрагивал от каждого резкого звука, и ему все время казалось, что внутри у него что-то подозрительно болит, и это так похоже на признак начинающегося рака. Тогда, обнаружив, что отдых ему не помог, он начал искать другое решение проблемы, и очередной идеей, возникшей в его голове, было пойти в церковь и, может быть, даже исповедаться. Ведь он где-то слышал, что Бог прощает все, даже самые (самые!) страшные грехи... Но из этого тоже ничего не вышло. Внутри собора ему сделалось нехорошо: замутило от запахов ладана и восковых свечей, стало нечем дышать от дыма, струйки которого плавали в воздухе, исходя от алтарей, и ему пришлось уйти, так и не поговорив с батюшкой. Да ведь, если б и поговорил, и даже если б поп отпустил ему грехи (если бы сумел дослушать все эти мерзости), то вряд ли Шкуродер мог бы надеяться, что избежит ада: ведь раскаяния он не испытывал.

Сеансы психотерапии тоже не принесли облегчения. Во-

просы, задаваемые психологом, казались пустыми и глупыми, а выписанный рецепт на таблетки Шкуродер выбросил: еще не хватало глотать всякую дрянь, отключающую мозг! Он продолжал искать способ унять свой страх, превративший его жизнь в пытку: перед глазами то и дело появлялись жуткие демоны, их тела были похожи на тела людей с содранной кожей, а в лицах проступали черты его жертв. Демоны разевали безгубые рты, в которых вместо зубов торчали сплошь лезвия скальпелей, и кричали голосами убитых им людей. К нему тянулись руки с острыми ногтями-бритвами, царапали его, не оставляя следов на коже, но боль, испытанная при этом, казалась реальной, заставляя Шкуродера присоединяться к дикому ансамблю душераздирающих криков, звенящих в его голове. И Шкуродер кричал, когда был один и знал, что на него никто не смотрит. На людях же ему приходилось стискивать зубы, рискуя их раскрошить, и сжимать кулаки так, что побелевшая кожа грозила лопнуть на выпирающих костяшках.

На какое-то время Шкуродер увлекся буддизмом, вдохновившись идеей реинкарнации. Перерождение сулило шанс на исправление и возможность избежать вечных мук, поэтому следующим местом, где Шкуродер надеялся найти спасение, стал буддистский храм. Отправившись в Индию, он с головой погрузился в изучение законов кармы. Однако высокая цена на услуги духовного наставника никак не гарантировала достижения состояния вечного блаженства: изба-

виться от мирского сознания Шкуродеру так и не удалось. К тому же выяснилось, что, учитывая его прошлое, переродиться в тело человека ему не суждено. Похоже, в следующей жизни ему предстоит стать червяком или крысой, и это еще в лучшем случае. Расплаты не избежать: слишком много боли и страданий он принес в этот мир. Закон кармы оказался так же строг, неумолим и беспристрастен: добро порождает добро, а зло порождает зло. Окончательно запутавшись в трансцендентных божественных формах и замысловатых методах духовного совершенствования, Шкуродер покинул буддистский храм и вернулся в Россию вместе со своими бескожими крикливыми демонами и окрепшими подозрениями на прогрессирующую у него неизлечимую болезнь.

Эти подозрения не позволили ему задержаться надолго в родной стране: внезапно возникла идея пройти полное обследование своего физического здоровья, а поскольку европейские клиники, по его убеждению, были оснащены более современным оборудованием, Шкуродер вскоре вылетел в Германию. Денег за свою жизнь он заработал немало, и от расходов, вызванных дорогостоящими процедурами, он вовсе не обеднел. Результаты оказались нерадостными: проблем со здоровьем у него, как выяснилось, хватало, но... все они были хроническими, вялотекущими и, при условии соблюдения определенных поддерживающих и профилактических процедур, угрозу для жизни не представляли. То есть получалось, что ничего серьезного вроде онкологии у Шку-

родера не нашли. Ознакомившись с заключением врачей, он оказался в полной растерянности, не зная, что делать дальше. Страх смерти одолевал его все сильнее, кровавые демоны неотступно следовали за ним повсюду, от них начала исходить ядовитая тлетворная вонь, сквозь которую не могли пробиться никакие другие запахи, и Шкуродер потерял аппетит – ему казалось, что вся еда смердит разложившимися трупами. Возникло ощущение, что ад подступает к нему уже при жизни. Что же с ним будет, когда могильная плита накроет гроб с его телом? Подобные мысли доводили его до панического состояния.

Ничего другого не оставалось, как отправиться к экстрасенсам. На этот раз Шкуродер решил найти специалиста на родине: по сведениям, почерпнутым в сети, выходило, что в России огромное количество людей, обладающих паранормальными способностями, и среди них есть даже те, кто пользуется всемирной славой. Вернувшись в Россию, Шкуродер истоптал пороги многих магических салонов, насмотрелся в хрустальные шары, надышался окуриваниями и даже пил «кровь ангелов», способную, по заверениям очередного врачавателя, отпугнуть мучивших его демонов. Время шло, а демоны не собирались отступать. Более того, их становилось все больше с каждым днем, и теперь Шкуродера окружала целая толпа дурно пахнущих окровавленных тел, норовящих поддеть его острыми ногтями, царапнуть по щеке или ткнуть в бок, отчего боль прошивала его зигзагами подоб-

но молниям. Однако Шкуродер видел: чудовищ будто что-то сдерживает, некая незримая преграда, не позволяющая им наброситься на него всем скопом. Скорее всего, эта преграда исчезнет сразу, как только он перешагнет порог потустороннего мира. Но, пока он жив, они не вцепятся, а значит... У Шкуродера родилась новая идея, которая хоть и не являлась выходом из ситуации, но могла бы послужить отсрочкой от неизбежной расплаты: ему нужно было не умирать как можно дольше, а лучше бы найти средство, способное сделать его бессмертным.

Не зря в народе говорят, что на ловца и зверь бежит. очередное подтверждение этому Шкуродер получил в один ничем не примечательный день, прогуливаясь по Невскому. Хотя точнее будет сказать – не прогуливался, а брел, уставившись рассеянным депрессивным взглядом под ноги, которые от голода и бессонницы едва волочил, несмотря на то, что его подгоняла толпа кричащих демонов. Вдруг в какой-то момент на нос ему упала крупная холодная капля. Он вздрогнул и инстинктивно поднял голову. Небо было низким и серым, как всегда в октябре. Шкуродер решил, что начинается дождь, поднял воротник повыше, втянул голову в плечи и прошелся взглядом в поисках вывески какого-нибудь ресторанчика или кафе, где можно было бы посидеть. В последнее время он начал бояться оставаться надолго в одиночестве: в людном месте ему было не так страшно, и поэтому, не зная, куда себя деть, он часами бродил по улицам, а в

непогоду забивался в ближайшее гастрономическое заведение, не выбирая.

Кафе и рестораничеков вокруг было не счесть, но одна необычная вывеска привлекла его внимание. Шкуродер был уверен, что совсем недавно ее здесь не было. Но, может быть, он просто ее не замечал? Хотя то, что было на ней написано, он не мог бы проигнорировать. Ведь вывеска предлагала то, что ему было так нужно! «Долголетие», – значилось на ней крупными буквами под изображением улыбающейся молодой паре. А помельче – «клиника нетрадиционной медицины». Шкуродер тут же позабыл о том, что хотел попытаться что-нибудь съесть в кафе. Он устремился к массивным двустворчатым дверям под вывеской, не отрывая от них взгляда, будто те могли исчезнуть внезапно, и стал похож на собаку, спешащую к руке, протягивающей лакомство, только что слюну не пустил.

Поднимаясь по ступеням лестницы облезлого заплываного «парадного», Шкуродер убедился, что клиника появилась здесь недавно: стены украшали рекламные плакаты только что съехавшей турфирмы, название которой он даже запомнил, – однажды покупал у них путевки в тропический рай. Однако на знакомой двери, за которой прежде располагалось туристическое агентство, висела табличка с названием новой клиники, и этот факт неприятно удивил Шкуродера: как могла поместиться целая клиника в крошечной комнатке, куда прежние арендаторы едва втиснули стол с ком-

пьютером, всего-то один шкаф и крошечный диванчик для посетителей? Но он, несмотря на одолевавшие его сомнения, все же потянул на себя массивную металлическую ручку и осторожно проскользнул в образовавшийся проем.

Молодая, очень здорового, даже какого-то сочного вида девушка встретила Шкуродера такой милой улыбкой, что у него тотчас возникло ощущение, будто именно его она и ждала. Плавным жестом она указала на глубокое кресло напротив. Такие Шкуродер недолюбливал и опасался: сядешь в него, и колени взметнутся выше подбородка, а если вдруг потребуется быстро вскочить, то ничего не выйдет – придется долго и неуклюже барахтаться, выбираясь из мягких недр и с каждым нелепым движением роняя свой авторитет все ниже. Но сесть было больше не на что: стульев и других кресел поблизости не оказалось, и он, держась обеими руками за подлокотники, пристроился на самом краю, стараясь не погрузиться слишком глубоко. Работница клиники расценила его действия иначе, решив, что гость чересчур скромн, и весело воскликнула:

– Да вы не стесняйтесь, располагайтесь, прямо как дома!

Шкуродер вежливо кивнул и дернул левым уголком рта, намекая на возможность улыбки, однако больше не шевельнулся, оставшись в том же положении.

– Ну, хорошо! – сообщила девушка, неизвестно что имея в виду. – Рассказывайте, какие у вас проблемы! – Слова звонко выскакивали из крошечного рта, как гудки из пионерского

горна.

– Так сразу? – растерялся Шкуродер, считая, что девушка здесь лишь для регистрации посетителей, а суть проблем должен выслушать специалист, который представлялся ему мужчиной в годах с интеллигентным лицом и умным внимательным взглядом.

– А вас что-то смущает? – пронзительно продудела та, будто с чего-то решила, что клиент тугоухий.

– Вообще-то я хотел вначале услышать, что вы предлагаете... Узнать, какие у вашей клиники возможности, – терпеливо пояснил Шкуродер, начиная жалеть, что пришел. Наверняка, это очередная ловушка для простачков, а он, измотанный страданиями, просто хватается уже за все подряд, как утопающий за соломинку.

– Мы предлагаем именно то, что указано на нашей вывеске! – Она заявила это таким тоном, будто клиент был умственно отсталый. Показалось даже, что сейчас прозвучит фраза: «Что ж тут непонятного?» По крайней мере, этот вопрос читался в ее взгляде.

– Хм-м... Долголетие? – Шкуродер все же уточнил.

– Ну, конечно! Иначе зачем такое писать? – Девушка пожала плечами, обтянутыми шифоновой блузкой кремового цвета, отчего пышные воланы на рукавах весело подпрыгнули. И тут Шкуродер понял, что работники клиник не носят такой одежды. У них должны быть белые халаты, и эта юная дама, скорее всего, не имеет никакого отношения к лечеб-

ной деятельности. Та, будто прочитала его мысли, тут же крикливо пояснила:

– Я понимаю ваше замешательство: вам кажется, что это место не похоже на клинику, и это действительно так. Непосредственно клиника находится в другом месте, довольно далеко отсюда, а я лишь принимаю заявки от будущих пациентов и озвучиваю условия. – Речь была произнесена очень уверенно и возродила умершую было надежду Шкуродера на то, что все это не фикция.

– Ну, и как надолго вы можете продлить лета? – с усмешкой перефразировал он название клиники.

– Это зависит от количества сеансов и физического состояния пациента... – начала она, предварительно сделав глубокий вдох и явно собираясь говорить долго.

Шкуродер грубо перебил ее вопросом, мысленно включая в голове калькулятор:

– Сколько же стоит один сеанс и сколько всего их понадобится, чтобы прибавить хотя бы... э-э... положим, десяток лет? И, главное! – Он снова прервал ее, начавшую что-то отвечать. – Главное – а какие вы даете гарантии? Ведь пациент после прохождения процедур не может знать наверняка, через сколько лет умрет, если он, конечно, не ясновидящий! Откуда ему знать, что отпущенное ему время увеличилось?

– Что ж, ваши вопросы вполне справедливы. – Она вздохнула и заговорила дальше неожиданно тихим мелодичным голосом. – Может быть, вы слышали о том, что в советское

время велись тщательные исследования, направленные на увеличение продолжительности жизни? Есть даже такая наука – геронтология, и ученые – геронтологи? – Выдержав секундную паузу, во время которой Шкуродер лишь пожал плечом, она продолжила: – Особенный интерес у геронтологов в то время вызывали долгожители-абхазцы из высокогорных районов Северного Кавказа. Выяснилось, что среди них много старцев, достигших возраста ста двадцати лет, и при этом они вовсе не выглядели дряхлыми. Ученые отметили, что в других местах, где люди проживают в подобных условиях, то есть дышат чистым горным воздухом, пьют чистой родниковую воду, едят качественные натуральные продукты, такой высокой продолжительности жизни не наблюдается. То есть долгожители нашлись и там, но в единичных случаях, а также обнаружались они и в городах с неблагоприятной экологической обстановкой, но, скорее, как исключение из общей массы. Таким образом, ученые пришли к выводу, что именно в горах Абхазии присутствует некий фактор, влияющий на продолжительность жизни в сторону ее увеличения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.